

Русская литература

№ 2

Историко-литературный журнал

1992

Издается с января 1958 года

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
О. С. Муравьева. Поэт, толпа и литературная критика (к истории восприятия стихотворения А. С. Пушкина «Поэт и толпа»)	3
Г. К. Щенников. Русский натурализм и его уроки	11
Г. М. Фридендер. «Шестое чувство» (из истории литературно-общественных настроений 1910-х годов)	28
Б. В. Соколов. Андрей Белый и Михаил Булгаков	42
Вольф Шмид (ФРГ). Орнаментальный текст и мифическое мышление в рассказе Е. Замятина «Наводнение»	56

ПУБЛИКАЦИИ И СООБЩЕНИЯ

В. А. Западов. Державин-полемист	68
С. И. Николаев. О нескольких польских стихотворениях в русских журналах 1819 года	75
И. Г. Ямпольский. Из заметок историка литературы	80
И. Л. Альми. Еще об одном источнике замысла романа «Преступление и наказание»	95
Неизданные письма И. А. Гончарова (публикация Е. К. и О. А. Демиховских)	100
А. В. Павлов. К истории поездки С. В. Максимова на Амур	128
Переписка Л. И. Шестова с А. М. Ремизовым (вступительная заметка, подготовка текста и примечания И. Ф. Даниловой и А. А. Данилевского)	133
Дагмар Кассек (ФРГ). Рассказ Бориса Пильняка «Жених во полночи» (1925 г.) (попытка анализа)	169

«НАУКА»

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

Глеб Горышин. «Как Вас с такими глазами не расстреляли?» (к 100-летию И. С. Соколова-Микитова)	176
Два письма Владислава Ходасевича (публикация Е. В. Кузьминой)	190
М. Д. Эльзон. К истории книги Б. В. Томашевского «Пушкин и Франция»	193
З. Л. Дичаров. Такие современные строки... (об одном письме Б. М. Эйхенбаума)	

ОБЗОРЫ И РЕЦЕНЗИИ

С. Н. Азбелев. Русский народный эпос в книгах последних лет	197
Е. Г. Водолазкин. Немецкое издание Киево-Печерского патерика	205
Б. В. Мельгунов. О Белинском как «вечно живущем и движущемся явлении»	206
Б. Ф. Егоров. Литературная критика братьев Полевы	209
И. В. Немировский. Пушкин в русской литературной политике	211
М. Ю. Коренева, С. А. Кибальник. Немецкая биография Гоголя	214
А. А. Александров. Собрание стихотворных произведений Николая Олейникова	216
А. А. Кобринский. Даниил Хармс и русский авангард: взгляд из Женевы	222

ХРОНИКА

А. В. Архипова, А. В. Федорова. Юбилейная научная конференция, посвященная Достоевскому и Гончарову	225
А. М. Березкин. Двадцать шестая Некрасовская конференция	228
А. О. Львовский. К 100-летию со дня рождения В. М. Жирмунского	235

Редакционная коллегия:

Н. Н. СКАТОВ (и.^{д.} о. главного редактора),
В. Н. БАСКАКОВ, Г. Я. ГАЛАГАН (зам. главного редактора),
А. А. ГОРЕЛОВ, Г. А. ГОРЫШИН, В. Я. ГРЕЧНЕВ, Н. А. ГРОЗНОВА,
Л. А. ДМИТРИЕВ, Б. Ф. ЕГОРОВ, А. И. ПАВЛОВСКИЙ, А. М. ПАНЧЕНКО,
В. А. ТУНИМАНОВ, С. А. ФОМИЧЕВ, Г. М. ФРИДЛЕНДЕР

Отв. секретарь редакции М. Д. Кондратьев
 Адрес редакции: 199034, Санкт-Петербург, наб. Макарова, д. 4. Тел. 218-16-01

© Издательство «Наука», «Русская литература», 1992 г.

ПЕРЕПИСКА Л. И. ШЕСТОВА С А. М. РЕМИЗОВЫМ

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ ЗАМЕТКА, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И ПРИМЕЧАНИЯ
И. Ф. ДАНИЛОВОЙ И А. А. ДАНИЛЕВСКОГО)

Знакомство Алексея Михайловича Ремизова (1877—1957) с Львом Исааковичем Шестовым (Шварцманом; 1866—1938) состоялось в 1904 году в Киеве. В статье «Памяти Льва Шестова» Ремизов вспоминал: «(...) познакомил нас Бердяев (...) Был конец ноября, но не бодлеровский, с болью глухо падающими дровами для камина, а киевский — этот сказочный, захватывающий душу вестник рождественских колядок, с теплым чистейшим первоснегом. На литературном собрании доклад В. В. Водовозова. Бердяев повел меня куда-то вниз, и не в „буфет“, как я подумал, (...) а в „директорскую“ с удобными креслами. „Да где же тут Шестов?“ И вдруг увидел: за конторкой под лампой... сидевший, сняв пенсне, поднялся, мне показалось, что очень высокий и большие руки — конечно, „Лев Шестов“! Это и был Шестов. „Рыбак рыбака видит издалека!“ — сказал он, и на меня глянули синие печальные глаза».¹ Почти сразу же отношения приняли дружеский характер, и это чувствуется в самых первых письмах Шестова к Ремизову.

Переписка началась в 1905 году, после того как Ремизовы покинули Киев и поселились в Петербурге при редакции «Вопросов жизни», так как писатель исполнял обязанности управляющего конторой этого журнала. Шестов также принимал участие в «Вопросах жизни». Однако даже на первоначальном этапе переписку определяли не только деловые интересы.

Еще в 1901 году Ремизов прочитал в журнале «Мир искусства» рецензию Шестова на книгу Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский», а затем его большую работу «Достоевский и Нитше (Философия трагедии)», и сразу же «записался в (...) постоянные любительные читатели»² философа.

По мере знакомства с произведениями Ремизова, и это один из устойчивых «мотивов» шестовских писем, все больше выявлялась близость философских и, что особенно важно для них обоих, стилистических пристрастий. Именно это и послужило прочным основанием для беспрецедентной, по крайней мере в биографии Ремизова, дружбы, которая длилась более тридцати лет вплоть до смерти Шестова. В книге воспоминаний о Ремизове «Огненная память» Н. В. Резникова справедливо отмечает: «А. М. (Ремизов. — И. Д., А. Д.) глубоко ценил и любил его. Шестов был единственным человеком, с которым Ремизов был на „ты.“ Философия Шестова была близка А. М. (...)».³

Шестов, в числе немногих, относился с глубоким пониманием не только к вполне традиционным формам творчества писателя, но и к его знаменитым мистификациям, сознавая, что они составляют неотъемлемую часть ремизовского мира. Именно поэтому сам Шестов часто становился «главным действующим лицом» этих мистификаций,⁴ а также персонажем «снов» — произведений оригинального жанра, который Ремизов культивировал в своем творчестве.⁵ Впоследствии Ремизов утверждал: «Во всех моих „комедиях“ Шестов играл несомненно главную роль (...)».⁶

Взаимное понимание, отсутствие которого ощущалось даже в близком окружении, рассматривается ими как знак типологической близости и обособленности в культурно-историческом контексте. Недаром уже 14 апреля 1905 года, вскоре после начала переписки, Шестов замечает Ремизову: «(...) если я Вас, а Вы меня понимать не будете, кто же тогда нас поймет?»⁷ Так возникает еще один важный аспект их отношений: всякое суждение сторон о творчестве друг друга воспринимается как наиболее близкое к истине и потому особенно ценное. Примером тому может служить заметка Ремизова «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспощадности“» (впервые: Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 204), которая была высоко оценена самим Шестовым и не утратила своего значения даже спустя десятилетия, что позволило Ремизову опубликовать ее в качестве юбилейной статьи к шестидесятилетию, а затем и к семидесятилетию философа.⁸

И наконец, в отношении к Ремизову проявилась еще одна характерная черта личности Шестова. На протяжении всей жизни — и в России, и в эмиграции — он оказывал писателю не только моральную, но часто и материальную поддержку.

* * *

Попытки осмыслить проблему «Ремизов и Шестов» уже предпринимались исследователями.⁹ Однако сама историческая канва их отношений до сих пор остается почти неизученной. Предлагаемая вниманию читателей переписка поможет восполнить этот пробел.

Ниже публикуются 29 писем Шестова к Ремизову 1905—1907-го годов и 32 письма Шестова к Ремизову 1908—1912-го годов, хранящиеся в фонде Ремизова в Рукописном отделе ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240 и 241); 3 письма Ремизова к Шестову из архива Шестова в библиотеке Сорбонны 1905—1906-го годов; 32 письма Шестова к Ремизову 1913—1919-го годов, находящиеся в фонде Ремизова в Рукописном отделе ИРЛИ (Пушкинский Дом) РАН (ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 233); 100 писем Ремизова к Шестову 1921—1936-го годов и 4 письма С. П. Ремизовой-Довгелло к Шестову 1925-го года из архива Шестова в библиотеке Сорбонны; а также обнаруженное нами в собрании П. Л. Вакселя (ГПБ. Ф. 124. Ед. хр. 4856) письмо Шестова к Ремизову от 31 января 1913 года, которое, судя по владельческой помете, находилось в коллекции с 11 марта 1914 года и значится в описи как письмо к неустановленному лицу. Последнее обстоятельство позволяет надеяться, что в будущем могут быть найдены и другие, не вошедшие в настоящую публикацию, письма Ремизова и Шестова.

Выражаем глубокую признательность правнучке Л. И. Шестова госпоже Алисе Лоран, любезно предоставившей в наше распоряжение письма А. М. и С. П. Ремизовых из архива Шестова в библиотеке Сорбонны.

Благодарим М. С. Петровского и Д. Б. Азиатцева за помощь при работе над комментарием.

¹ Впервые в качестве некролога эта статья была опубликована 24 ноября 1938 года в парижской газете «Последние новости» (№ 6451). Цит. по: Ремизов А. Встречи. Петербургский буюрак. Paris, 1981. С. 267—268.

² Ремизов А. М. Автобиография. 1912 год // ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 1. Л. 10.

³ Резникова Н. В. Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. Berkeley, 1980. С. 86.

⁴ Ср., например, описание одной из таких мистификаций в кн.: Ремизов А. Куха. Розановы письма. Берлин, 1923. С. 26—27.

⁵ Именно Шестову Ремизов посвятил свое первое собрание таких снов — «Бедовая доля» (см.: Ремизов А. Рассказы. СПб., 1910. С. 135). См. также один из «снов» о Шестове С. П. Ремизовой-Довгелло с комментариями А. М. Ремизова: *Рутан А. Petersburg Dreams // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Ed. by Greta N. Slobin. Columbus (OH), 1986. P. 60—61.*

⁶ Ремизов А. Встречи. С. 267.

⁷ ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 240. Л. 7.

⁸ В 1926 году эта заметка с подзаголовком «К шестидесятилетию Л. Шестова» появилась в журнале «Своими путями» (см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris, 1983. Т. I. С. 73). Затем в 1935 году она была опубликована под названием «Лев Шестов (К семидесятилетию Л. Шестова)» в сборнике «Новь» (Таллин; № 8) и в 1936 году в парижском журнале «Hippocrate» (№ 2) в переводе на французский язык.

⁹ См.: *Очадликowa M.* Причудливый мир Алексея Ремизова // *Prednášky ve XIII. behu letní školy slovanských studií v roce 1969.* Praha, 1969. S. 247—248; *Козьменко М. В.* Мир и герой Алексея Ремизова. К проблеме взаимосвязи мировоззрения и поэтики писателя // *Филологические науки.* 1982. № 1. С. 24—30; *Секе К.* «Апофеоз беспочвенности»: Лев Шестов и Алексей Ремизов. Точки соприкосновения двух типов художественного мышления в русской литературе начала XX века // *Dissertationes slavicae.* XV. Szeged, 1984. S. 105—120; *Данилевский А. А.* А. М. Ремизов и Лев Шестов (Статья первая) // *Учен. зап. Тартуск. ун-та.* 1990. Вып. 883. С. 139—156.

1

(17.02.1905)¹

Обращаюсь к Вам, Алексей Михайлович, с просьбой. С(ергей) Н(иколаевич)² на днях отправил в редакцию «В(опросов) Ж(изни)»³ мою статью о Чехове⁴ — с распоряжением печатать в ближайшем номере журнала. Но, т(ак) к(ак) до февраля недалеко — то, по его словам, я не могу читать корректуру. А между тем — это необходимо. Посему прошу Вас передать в редакцию,⁵ чтоб статью печатали в марте,⁶ а мне бы непременно корректуру прислали. Обращаюсь к Вам, ибо Вы на счету аккуратных. Исполните? Черкните мне открытку (*Киев, Межигорская*, 2), чтоб мне знать, что Вы исполнили. Жму Вашу руку. Поклон Ник(олаю) Ал(ександровичу).⁷ Передайте ему, что С(ергей) Н(иколаевич) идет сейчас обедать в Континенталь.⁸ Ваш Л. Шварцман.

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю: Киев — 17.II.1905. Получено в Петербурге 19.II.1905. Письмо адресовано в редакцию «Вопросов жизни», так как Ремизовы занимали две комнаты при конторе журнала (Саперный пер., д. 10, кв. 6).

² Булгаков Сергей Николаевич (1871—1944) — религиозный философ и богослов. С 1901-го по 1906 год профессор политической экономии Киевского Политехнического института. В 1905 году выполнял обязанности одного из редакторов журнала «Вопросы жизни». Его письма к Ремизову 1905—1906 годов свидетельствуют об исключительной активности Булгакова в этом качестве (см.: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 68). Знакомство Булгакова с Шестовым состоялось в конце 1902 года. С 1901-го по 1908 год Шестов жил в Киеве и работал в деле своего отца («Мануфактурные склады Исаак Шварцман»), но не прерывал литературных и философских занятий. Весной 1905 года Булгаков хотел привлечь Шестова к редактированию экономического отдела «Вопросов жизни», однако получил от него отказ. Об этом Булгаков сообщил Ремизову в письме от 24 апреля 1905 года (там же). С самим Ремизовым Булгакова познакомил Н. А. Бердяев в конце 1904 года, когда Ремизовы, которым после вологодской ссылки в течение пяти лет запрещалось жить в Москве и Петербурге, были вынуждены путешествовать по югу России (Херсон, Николаев, Одесса) и, наконец, — летом 1904 года — поселились в Киеве.

³ «Вопросы жизни» — ежемесячный журнал; выходил в Петербурге в 1905 году (всего 12 номеров) как продолжение религиозно-философского журнала «Новый путь» (1902—1904). Редакционное ядро составляла группа философов-идеалистов во главе с С. Н. Булгаковым, которая в 1904 году приняла активное участие в журнале «Новый путь», а затем стала восприимчивой этого издательского предприятия Мережковских. Издателем «Вопросов жизни» был Д. Е. Жуковский. Редакторами: С. Н. Булгаков, Н. А. Бердяев, Д. Е. Жуковский, Н. О. Лосский. Подробнее о журнале см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века.* 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 231—233.

⁴ Речь идет о статье «Творчество из ничего. (А. П. Чехов)», которая была опубликована в мартовском номере «Вопросов жизни» (1905. № 3. С. 101—141); впоследствии вошла в книгу Шестова «Начала и концы» (СПб., 1908).

⁵ С 1 февраля 1905 года Ремизов занимал должность управляющего конторой «Вопросов жизни». В своих автобиографических произведениях он часто упоминает об этом периоде. Наиболее подробно работа в редакции журнала и начало жизни в Петербурге описаны Ремизовым в книге «Кукха. Розановы письма» (Берлин, 1923).

⁶ Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут Ремизовым синим карандашом.

⁷ Бердяев Николай Александрович (1874—1948) — религиозный философ. Осенью 1904 года переехал в Петербург, чтобы участвовать в организации и издании «Вопросов жизни». Один из редакторов и наиболее активный сотрудник журнала. Именно Бердяев привлек Ремизова, с которым познакомился в 1902 году во время вологодской ссылки, к работе в «Вопросах жизни». Зимой 1904—1905 года он писал Л. Ю. Рапп из Петербурга в Киев: «Ремизовых перетаскиваю в Петербург, и это будет для нас большое приобретение. Они могут составить часть приятной атмосферы отношений

с людьми в противовес неприятной атмосфере Мережковских» (цит. по: Письма молодого Бердяева. Тубл. Д. Барас // Память. Париж, 1981. Вып. 4. С. 244—245). Контакты между Бердяевыми и Ремизовыми не прекращались и после окончания их совместной работы в журнале. Устойчивые доброжелательные отношения сохранялись как в России, так и в эмиграции. Ремизов неизменно высоко оценивал личность Бердяева: «Из всех моих современников Бердяев и Андрей Белый гениальны» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, 1959. С. 300). В его книге «Иверень» (Berkeley, 1986) Бердяеву, Луначарскому и Савинкову посвящена отдельная глава «Три титана». Бердяев упоминает Ремизова в своей автобиографической книге «Самопознание» (Париж, 1949). С Шестовым Бердяев познакомился в конце 1902 года в Киеве (см.: Основные даты жизни Льва Шестова // Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников. Paris, 1983. Т. II. С. 246). Библиографию работ Бердяева о Шестове см.: Bibliographie des études sur Léon Chestov. Et. par Natalie Vaganoff. Paris, 1978. P. 39, 44—49.

«Континенталь» — гостиница с одноименным рестораном; в начале века считалась одной из лучших в Киеве. Находилась неподалеку от Крещатика — Николаевская ул., д. 5. См.: Петровский М. Городу и миру. Киевские очерки. Киев, 1990. С. 236—237.

2

Межигорская, 2¹

Киев 28/II 1905

Спасибо Вам, Алексей Михайлович, что исполнили поручение. В благодарность — обращусь еще с одним! Зато — с последним. Ничего? Сейчас отправляю корректуру статьи.² Так, пожалуйста, позаботьтесь о том, чтобы одно исправление было правильно истолковано. Прежде было в статье 7 глав. Теперь я решил одну главу (пятую) разделить на две части. В соответствующем месте я обозначил — но не знаю, поймут ли. Потому и прошу Вас сделать соответствующие пояснения корректору (т(о) е(сть), кажется, Серафиме Павловне).³ Сделаете?⁴ — очень рад, что Вы о моей книге написали, только жалею, что Вас так торопили.⁵ Я уверен, что Вы можете хорошо написать; конечно, если приказывают к завтраму, то это мудрено — но все же надеюсь, что Вам удалось, и жду книжки «Весов». Потом, прочитав, напишу Вам, рецензию на рецензию. Отчего Ваш роман не печатают?⁶ Кто мешает; Чулков?⁷ А Николай Александрович?⁸ Неужто и он против? Ведь у них сильно чувствуется недостаток в беллетристическом материале, даже, кажется, вообще в литературном материале. Это сначала казалось, что статей пропасть — а потом видно стало, что плохих статей много, а хороших маловато.

Напишите, если не очень заняты и не слишком не любите писать, что у Вас в редакции делается. Как Ник(олай) Александр(ович)? С(ергей) Н(иколаевич)⁹ жаловался на него, что пишет мало. Прав, конечно, он — но ведь и писать каждый месяц по статье не так-то легко!¹⁰ Бедный Н(иколай) А(лександрович)! Захотелось ему журнал иметь...

Как Вам Мережковские¹¹ показались? А Розанов?¹² Лундберг, видно, Вам не по вкусу пришелся — это жаль. Он интересный.¹³ А Вы ему понравились. Он, между прочим, писал мне, что Вы единственный человек, который понимает меня. Что Вы ему такого наговорили? Приедет — узнаю.

На счет билетов симфонических не стоит беспокоиться. Если захочется, я найду способ попасть. И деньги подождут — беды нет.

Кланяйтесь Сер(афиме) Пав(ловне) и Николай Александровичу. Он ничего о себе не пишет, может Вы о нем напишете.

Ваш ЛШ

¹ Подчеркнуто синим карандашом.

² Имеется в виду корректура статьи «Творчество из ничего» — см. прим. 4 к п. 1. Здесь и далее текст, выделенный нами курсивом, подчеркнут красным карандашом.

³ Ремизова-Довгелло Серафима Павловна (1876—1943) — жена А. М. Ремизова. В «Вопросах жизни» выполняла обязанности корректора.

⁴ В журнальной публикации статья имела 8 глав.

⁵ Имеется в виду заметка Ремизова о книге Шестова «Апофеоз беспочвенности. (Опыт адогматического мышления)» (СПб., 1905), написанная по инициативе В. Я. Брюсова для февральского (1905) номера журнала «Весы». В письме от 25—26 января 1905 года Ремизов сообщал С. П. Ремизовой-Довгелло: «(...) Брюсов предложил написать рецензию о Шестове и непременно на этих днях»

(На вечерней заре. Переписка А. Ремизова и С. Ремизовой-Довгелло // *Europa orientalis*. 1987. VI. С. 277). Однако в «Весах» заметка так и не появилась, вероятно из-за отсутствия в ней традиционных атрибутов жанра рецензии. Между тем Шестов усмотрел в этом факте попытку «сосчитаться» с ним за резкую критику второго тома книги Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский» в статье «Власть идей» (Мир искусства. 1903. № 1/2). Это предположение он высказал Ремизову в письме от 24 марта 1905 года (см. п. 3 в наст. публикации). В июле 1905 года ремизовская рецензия появилась в «Вопросах жизни» (Ремизов А. По поводу книги Л. Шестова «Апофеоз беспочвенности» // Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 204), а впоследствии была включена им в книгу «Крашенные рыла. Театр и книга» (Берлин, 1922. С. 124—126). В письме к Ремизову от 1/14 августа 1905 года Шестов высоко оценил эту заметку (см. п. 11 в наст. публикации).

Речь идет о первом крупном произведении Ремизова — романе «Пруд» (1902). С редакционными сокращениями был впервые опубликован в № 4—11 «Вопросов жизни». Историю этой публикации см.: Ремизов А. О разных книгах // Воля России. № 8/9. С. 231—232.

Чулков Георгий Иванович (1879—1939) — прозаик, поэт, драматург, критик. В 1904 году стал секретарем редакции журнала «Новый путь», а затем занимал ту же должность в «Вопросах жизни». Как и Ремизовы, Чулков и его жена Надежда Григорьевна жили при редакции журнала (см. об этом гл. «Колония» и «На блокноте» в кн.: Ремизов А. Кукха. Розановы письма. С. 11—15, 19—37). Дружеские отношения поддерживались писателями и после (см. 18 писем Ремизова к Чулкову 1905—1918 годов — ГБЛ. Ф. 371. Карт. 4. Ед. хр. 46). В 1917—1918-м годах Чулков был редактором еженедельного журнала «Народоправство» и опубликовал в нем «Временник» Ремизова «Всеобщее восстание» (1917. № 5, 10, 12, 18—19), составивший впоследствии главу «Весна-красна» в книге «Взвихренная Русь» (Париж, 1927). Чулкову принадлежит статья о творчестве Ремизова «Сны в подполье» (вошла в кн.: Чулков Г. Наши спутники. 1912—1922. М., 1922. С. 7—37); см. также его воспоминания «Годы странствий» (М., 1930. С. 170—171).

⁸ Бердяев. См. прим. 7 к п. 1.

⁹ Булгаков. См. прим. 2 к п. 1.

¹⁰ Первый номер «Вопросов жизни» вышел без каких-либо публикаций Бердяева. Однако в последующих номерах он помещал одну, две, а то и три заметки или статьи.

¹¹ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1865—1941) — прозаик, поэт, критик, публицист, философ, одна из ключевых фигур русского религиозно-философского ренессанса начала XX века. Гиппиус-Мережковская Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэт, прозаик, литературный критик; псевдонимы: Антон Крайний, Товарищ Герман и др. Личное знакомство Ремизова с Мережковскими состоялось 2 февраля 1905 года. Тогда же он сообщал о своих впечатлениях С. П. Ремизовой-Довгелло: «С Чулковым к Мережковским. Чулков по делу, а я так, посмотреть. Видел З. Н. Гиппиус. Ни слова, кроме: „здесьте“. На Чулкова оба злы. А меня холодно встретили, не столько он, сколько она. А кривляка порядочная. А что волосы кладет на колени, изобретение Н. А. Бердяева. Может, ему случайно положила. Если сидеть близко, а на расстояние никаких волос ни на меня, ни на Чулкова. А волосы, действительно, грива. Только холодные, не дышут и не искрятся. Умные какие-то» (На вечерней заре. С. 283—284). Впоследствии между Ремизовыми и Мережковскими, особенно между Зинаидой Николаевной и Серафимой Павловной, установились довольно близкие дружеские отношения. См.: письма Гиппиус к Ремизову (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 88; ИРЛИ. Ф. 256. Оп. 3. Ед. хр. 53) и к С. П. Ремизовой-Довгелло (*Lamp! H. Zinaida Hippius an S. P. Remizova-Dovgello // Wiener slawistischer Almanach*. 1978. Bd 1. S. 155—194).

¹² Розанов Василий Васильевич (1856—1919) — писатель, критик, публицист, философ. Один из наиболее значимых для Ремизова философских авторитетов. Влияние Розанова на стиль и проблематику произведений Ремизова можно сравнить только с глубоким воздействием философского творчества Шестова. Ремизов принадлежит к числу немногих современников, которым раньше других удалось разглядеть типологическую близость воззрений этих философов. В 1912 году он писал в «Автобиографии»: «В 1899 году начал выходить журнал „Мир Искусства“ (...) Тут же я узнал Льва Шестова и Василия Васильевича Розанова (разрядка А. М. Ремизова. — И. Д., А. Д.) и записался в их постоянные любительные читатели» (ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 1. Л. 10). Ремизовская автобиография была написана по просьбе С. А. Венгерова. Показательна реакция Венгерова на эту оценку личности Розанова. 13 февраля 1912 года он пишет Ремизову: «Большое, большое спасибо Вам, многоуважаемый Алексей Михайлович, за присланное житие. Очень оно и любопытно, и поучительно. Одно только место меня удивило и огорчило: где Вы сообщаете, что записались в „постоянные“ (подчеркнуто С. А. Венгеровым. — И. Д., А. Д.) любительные читатели» Розанова. Неужели и теперь его любите? Ведь это же гадина, форменная гадина, отвратительно-продажная, подло-предательская, фарисейски-лицемерная. Всегда он такой был, но прежде, в моменты подсознательного творчества, писал почти — гениально. А теперь ничего кроме вонючих испражнений из него не исходит. И рядом с Розановым Вы ставите благородного искателя истины Льва Шестова! Гореть Вам за это на том свете в огне неугасимом» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 73). Однако Ремизов не ограничился отдельными оценками. В его книге «Кукха. Розановы письма», где облик Розанова постепенно складывается из «житейских мелочей», обрывков воспоминаний, писем, бытовых анекдотов и т. п. (тем самым используется и формальный розановский прием «опавших листьев»), дана одна из самых глубоких характеристик философа. Фигура Розанова нашла отражение и в

художественном творчестве Ремизова. Подробнее об этом см.: *Данилевский А. А.* Герой А. М. Ремизова и его прототип // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1987. Вып. 748. С. 150—165.

¹³ Лундберг Евгений Германович (1887—1965) — писатель, литературный критик. В 1900—1910-е годы входил в ближайшее окружение Шестова, который поддерживал Лундберга как морально, так и материально, оказывал протекцию его произведениям в издательских и литературных кругах. Впоследствии Лундберг вспоминал о начале своего знакомства с Шестовым: «Еще гимназистом прочитал я первую книгу Шестова — о Шекспире. Я не понял ее, но тревога в ней была родная, несмотря на разницу поколений и вкусов. Так завязана была связь — книгою. Скоро она стала живою в письмах и беседах. Чувство „ученика“ — в старом смысле слова. Душевные и житейские кризисы измерялись мерою не только своих, но и его мыслей» (*Лундберг Е.* Записки писателя. 1920—1924. Л., 1930. Т. II. С. 75). Разрыв между ними произошел в 1921 году, когда просоветски настроенный Лундберг, который работал в это время в берлинском отделении издательства «Скифы», уничтожил ранее отпечатанную им антибольшевистскую брошюру Шестова «Что такое большевизм». По свидетельству мемуаристов, «хмурый юноша Лундберг» страдал острой формой неврастении (см.: *Герцык Е.* Воспоминания. Paris, 1973. С. 102—103). Возможно, этим объясняется первоначальное впечатление, произведенное им на Ремизовых. Впоследствии между ними установились близкие дружеские отношения (см.: Письма Лундберга Ремизову 1910—1913-го годов // ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 141).

3

24 марта (1905)

Виноват я пред Вами, Алексей Михайлович — не ответил Вам на письмо. И Вы, видно, рассердились — мне злое письмо написали. Но, что делать? Мне ужасно Ваши письма хочется получать — а писать письма смерть моя. Если бы можно было бы по телефону с Петербургом разговаривать! — Вы говорите, что публика не одобряет «Апофеоза». ¹ Знаю, дошли уже слухи. Ни один из знакомых, которым я послал книгу, не ответил ни словом. Даже Ник(олай) Алекс(андрович)! ² Я на него надеялся, что, не в пример прочим, примет апофеоз... Если молодая курсистка не одобряет — это хорошо. Если С(ергей) Н(иколаевич) ³ недоволен — тоже понятно. А Ник(олаю) Алекс(андровичу) следовало бы вникнуть.

Я вперед знал, что книга не понравится. У нас любят покаянный, смиренный тон. А мне надоело согнувшись ходить. Хоть и знаю, что я не всемогущ, а все же пытаюсь выпрямиться. И смеяться, даже когда больно. Русские Ведомости думают, что это есть развязность и флирт, ⁴ — на то это «Р(усские) Ведомости». И еще они хотят, чтоб я спокойно объяснил свои мысли. Я бы и объяснил, когда бы дело было в «мыслях». Но у меня никогда никаких мыслей не бывает, так что и объяснять-то нечего. Хотелось бы мне прочесть, что Вы для «Весов» написали. Если рукопись сохранилась — пришлите. В «Весках» оттого, верно, не напечатали, что им со мной нужно за Мережковского сосчитаться. ⁵ Так уж Белый ⁶ или кто другой сосчитается.

Гиппиус может нравиться — с Вами вполне согласен, а чем Вас Мережковски(й) прельстил, ⁷ не пойму. Он всегда рассказывает, что в книжках читал. Впрочем, и это бывает интересно. Но Гиппиус не в пример любопытнее. Не помню, сам ли выдумал или кто-то сказал мне, что, если бы Гиппиус жила во времена Нерона, ⁸ то, верно, занималась бы составлением ядов. Если доживет до старости — колдовать станет.

Александра Блока не знаю: ни стихов его не читал, ни его не видал. ⁹

Пишите, голубчик, почаще и побольше. Вы хорошо письма пишете — и не сердитесь, если не скоро отвечу. Это не потому, что не хочу, а потому, что письма не выходят.

Привет Сераф(име) П(авловне).

Ваш ЛШ

P.S. Пишу теперь для «Киевских» О(тклик)ов ¹⁰ фельетон о «В(опросах) Жизни». ¹¹ Поставили мне такое условие: во 1^а) не высказывать собствен(енного) мнения, во 2^а) никого не бранить, никому не сочувствовать. Черт меня понес принять условие. Фельетон выйдет бледным — пусть на меня в «В(опросах) Ж(изни)» не пеняют. Я пишу только, чтоб не вышло, что «В(опросы) Ж(изни)» в Киеве замалчиваются. Передайте всем, а то мне стыдно

за статью. Еще надеюсь, что все-таки не напечатают: заметят где-нибудь след собственного суждения!

¹ Книга Шестова «Апофеоз беспочвенности» вышла в январе 1905 года в издательстве «Общественная польза» и вызвала бурную, в целом неодобрительную, реакцию критики, а также сочувствующих творчеству философа литераторов. 14 апреля 1905 года Шестов сообщил сестре Фане: «Я знал, что книга будет недружелюбно принята (...) Между прочим, „Апофеоз беспочвенности“ не имел успеха даже у тех, которые справедливо относились к моим предыдущим работам, никто из моих знакомых, которым я разослал книгу, не ответил мне ни словом. Но стороной я узнал, что все недовольны (...). Даже Бердяев (...) недоволен» (цит. по: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 80; другие отклики на «Апофеоз беспочвенности» см.: Там же. С. 69—79). Причиной столь негативной реакции был поворот в творчестве Шестова, который наметился именно в этой книге и противоречил представлениям об авторе «Шекспира и его критика Брандеса», «Добра в учении Толстого и Ницше» и «Достоевского и Ницше». Позднее Лундберг писал об этом: «Л. Шестов (...) один из „выпадающих“. (...) Известность его обусловлена, — кроме блестящего стиля, о котором говорили, чтобы не касаться существа писаний — тем, что в начале своей деятельности он пользовался литературным материалом и прослыл среди интеллигентских читательских кругов остроумным критиком. Чем дальше от литературы в философию уходил, тем острее намечалось выпадение. Современники с трудом выносят чрезмерно беспокойных мыслителей. Когда же мыслители такого рода уходят в прошлое, лишь столь же непоседливые кладоискатели, как они, решаются ударить киркою по захоронившему их склепу. И живут и умирают они вне больших дорог — „на окраинах жизни“» (*Лундберг Е. Записки писателя*. Т. II. С. 74—75). Другой причиной стала форма, избранная Шестовым. Характерную точку зрения на правомерность афоризма в творчестве философа высказала Е. К. Герцык: «А что последняя книга „Апофеоз беспочвенности“ написана афористически — так это только усталость. Нет больше единого порыва первых книг — все рассыпалось... Афоризм — игра колющей рапиры или строгая игра кристалла своими гранями, но игра — разве это шестовское?» (*Герцык Е. Воспоминания*. С. 104). Впоследствии именно афоризм успешно культивировался Шестовым.²

² Бердяев откликнулся на книгу Шестова статьей «Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности»)» в журнале «Вопросы жизни» (1905. № 3. С. 255—288); впоследствии была включена им в книгу «Sub specie aeternitatis» (СПб., 1907. С. 247—275). Кроме того, Бердяев опубликовал рецензию на «Апофеоз беспочвенности» в июльском номере журнала «Мир Божий» за 1905 год (С. 130—131).

³ Взгляды Булгакова и Шестова никогда не были близкими. Ср., например, отзыв Шестова о Булгакове в раннее уже цитированном нами письме к сестре Фане: «Булгаков, действительно, человек искренний — и умеет хорошо писать. А что он о страданиях распространяется — так иначе ему нельзя. Он думает или, по крайней мере, хочет думать — что страдания не страшны, не должны быть страшными для верующего человека. Ведь в этом главное преимущество веры — что она ничего не боится. Отними это убеждение — и ничего не останется. Иной, конечно, вопрос, насколько он прав в своей вере, но раз допустить правоту и веру, уже нельзя ни на чем останавливаться. Ведь вот Толстой то же самое проповедует. В Евангелии сказано: ищите прежде всего Царства Божия и правды Его, все остальное вам приложится. И еще: претерпевший до конца спасется. Как ни толкуй эти слова, а смысл их в том, что мирских страданий бояться не следует. Правда, Булгаков, как и все другие, не умеет последовательно провести эти заповеди. Но ведь люди на то и люди, чтобы ничего до конца не доводить» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 80—81). Этим, очевидно, объясняется и то, что сам Булгаков единственный раз выступил в печати с некрологической статьей о Шестове «Некоторые черты религиозного мировоззрения Л. И. Шестова» (*Современные записки* (Париж). 1939. № 68. С. 305—323).

⁴ Имеется в виду следующий пассаж из рецензии Ю. И. Айхенвальда: «(...) книга г. Шестова и звучит дурным тоном, и представляет она собою не выстраданное, серьезное желание истины, а какую-то кокетливую игру, флирт с нею» (*Ю. А. [Айхенвальд Ю. И.] Л. Шестов. Апофеоз беспочвенности* (Опыт адогматического мышления). СПб. 1905 // *Русские ведомости*. 1905. 7 марта. № 63. С. 3).

⁵ Речь идет о заметке Ремизова «По поводу книги Льва Шестова „Апофеоз беспочвенности“». См. прим. 5 к п. 2.

⁶ Белый Андрей (псевд. Бориса Николаевича Бугаева; 1880—1934) — поэт, прозаик, теоретик символизма. В 1900-е годы находился под сильным идейным и личным влиянием четы Мережковских (подробнее об их взаимоотношениях см.: *Белый Андрей*. Начало века. М., 1990. С. 460—466; гл. «Мережковские»). Одновременно был ближайшим сотрудником журнала «Весы» (1904—1909), в котором принимали участие и Мережковские (см.: *Белый Андрей*. Начало века. С. 410—425 (гл. «Весы-Скорпион»); *Азадовский К. М. и Максимов Д. Е.* Брюсов и «Весы» (К истории издания) // *Лит. наследство*. 1976. Т. 85. С. 257—324; *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // *Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917*. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65—136). Вопреки предположению Шестова, противником публикации заметки Ремизова был владелец издательства «Скорпион» и издатель «Весов» Сергей Александрович Поляков

(1874—1942), причем отнюдь не вследствие «групповой солидарности». 25 мая 1905 года Вячеслав Иванов сообщил Ремизову: «Рецензию на „Апофеоз“ — провести не мог: она совсем не по вкусу Сергею Александр(овичу) — благодаря, мне кажется, некоторой причудливости тона и стиля...» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 114). Сам Белый в полемике вокруг «Апофеоза беспочвенности» не вступал. В 1908 году он откликнулся рецензией на другую книгу Шестова — «Начала и концы» (СПб., 1908). См.: Весы. 1908. № 10. С. 96—99; вошла в его кн. статей «Арабески» (М., 1911).

⁷ Об отношениях Ремизовых с Мережковскими см. прим. 11 к п. 2.

⁸ Нерон Клавдий Цезарь (37—68) — римский император (с 54 года). Вошел в историю как тиран, опиравшийся на политику репрессий и конфискаций. В числе его жертв оказались и ближайшие родственники (включая мать), и многие выдающиеся деятели (его учитель — философ Сенека, поэт Лукиан, писатель Петроний и др.). Источники изображают Нерона самовлюбленным, жестоким и развратным. Особый иронический оттенок проводимому Шестовым соположению имен Нерона и Гиппиус придает то обстоятельство, что Нерон вошел в историю как жесточайший гонитель ранних христиан, в то время как Гиппиус (вместе с Мережковским) являлась главным поборником идей «нового христианства», зиждительницей «новой Церкви Христовой». Подробнее об этом см.: *Гиппиус-Мережковская* З. Н. Дмитрий Мережковский. Париж, 1951. С. 85—113.

Вопрос Ремизова Шестову о его знакомстве с Блоком был вызван, по всей видимости, тем сильным впечатлением, которое произвел поэт на Ремизова уже при первой встрече. В посвященном памяти Блока очерке «К звездам» Ремизов, мысленно обращаясь к нему, вспоминает: «И с этой первой встречи, а была петербургская весна особенная, и пошло что-то, чудное что-то, от чего, говоря со мной, вы не могли не улыбаться» (цит. по: *Ремизов А. Взвихренная Русь*. Париж, 1927. С. 509). Подробнее об их взаимоотношениях см. вступительную статью З. Г. Минц к публикации переписки Блока с Ремизовым в кн.: *Лит. наследство*. 1981. Т. 92. Кн. 2. С. 63—82. Несколько позже Шестов мог познакомиться с поэтическим творчеством Блока непосредственно на страницах «Вопросов жизни»: в № 4/5 было помещено стихотворение Блока «Повесть» («В окнах занавешенных сетью мокрой пыли...»), а в № 6 подборка стихов под общим заглавием «Нечаянная Радость» (в нее вошло и стихотворение «Болотные чертенятки», впоследствии посвященное Ремизову).

¹⁰ «Киевские отклики» — ежедневная литературно-политическая, экономическая и общественная газета. Выходила в Киеве с 1903-го по 1907 год, под тем же названием возобновлена в 1911 году. Орган либерально-демократического направления. В разное время ее издателями были: Г. В. Александровский, И. В. Луцицкий, Е. А. Квилицкий, М. Н. Требинская, Д. П. Рузский, Н. В. Калишевич. Редакторы: И. В. и Г. В. Александровские, И. В. Луцицкий, А. Ф. Саликовский, В. Я. Железнов, Н. П. Василенко, Н. В. Калишевич.

¹¹ Фельетон Шестова все-таки был опубликован. См.: *Шестов Л. Новый журнал* («Вопросы жизни», Январь и Февраль. 1905 г.) // *Киевские отклики*. 1905. 11 (24) апр. № 101. С. 3. Очевидно, ввиду того, что «Киевские отклики» являются малодоступным изданием, этот фельетон остался вне поля зрения исследователей и не был включен в наиболее полную библиографию произведений Шестова, подготовленную его дочерью Н. Л. Барановой-Шестовой (*Bibliographie des oeuvres de Léon Chestov*. Paris, 1975). Между тем, он представляет особый интерес для данной переписки и поэтому помещен нами в приложении к настоящей публикации.

4

Межигорская, 2
Подол

Киев 14/IV 1905

Письмо, деньги, и отгиски получил. Спасибо. Почему-то только до сих пор нет мартовской книжки «В(опросов) Жизни». Случайность это или мне только полагалось получить первые две?

Приехал Н(иколай) Ал(ександрович), привез свою статью:¹ и он обижает «Ап(офеоз) Беспочв(енности)». Чувствовал я, что недаром молчал он все время. Мне, между прочим, кажется, что он не прочел как следует книжку.² Потому что, какое же мог он там найти «успокоение на скептицизме».³ С тех пор, как я пишу, ни разу мне и в голову не приходило делать те опыты, о которых я рассказываю в «А(пофеозе) Б(еспочвенности)». И ведь что любопытно: я рассказываю Н(иколаю) Ал(ександровичу) наш разговор у Булгаковых про Лихтенберга.⁴ Помните? «Когда у меня была повышенная температура, я понял, как бутылка с водой обращается в бутылку с вином, и это происходит так, как треугольная фигура превращается в четырехугольную».⁵ Так ему это подошло, а против «А(пофеоза) Б(еспочвенности)» восстает, когда там все дело именно в этом. Я еще с ним не говорил по прочтении его статьи — сегодня, верно, увидимся. . .

Как характерно для Тернавцева,⁶ что он меня «моралистом» называет. Он увидел в книгах моих всякого рода колючие и острые вещи и сообразил, что для нравственности это самое подходящее дело: орудия пытки! Это так на него похоже! Я ведь его немножко знаю; встречал у Розанова⁷ и в рел(игиозно-) фил(ософских) собраниях.⁸

Когда уже Ваш «Пруд» появится,⁹ Н(иколай) Ал(ександрович) говорит, что непонятно — тоже и Вам, пожалуй, придется разделить мою участь. Но, ничего — на людях и смерть красна! Я только боюсь, чтоб мне самому не оскандалит(ь)ся: если я Вас а Вы меня понимать не будете, кто же тогда нас поймет?

Получили в «В(опросах) Ж(изни)» мой фельетон?¹⁰ Вы там извинитесь за меня. Вам Булгаков говорил, при каких условиях я писал его: того не касайся, об этом не говори; хвалить нельзя, порицать нельзя и т(ак) д(алее). Я было уж совсем отказался от писания — да все же упорство превозмогло. . . .

Про Н(иколая) Ал(ександровича), З(инаиду) Н(иколаевну)¹¹ Вы верно писали мне, а об Розанове, что он «во внутренностях копается» не согласен. Он не анатом, совсем не анатом. Ему все петь хочется, и хоть он часто срывается, зато как иной раз поет!¹² *De la musique avant toute chose!*¹³

Кланяйтесь Серафиме Павловне и пишите. В Киеве теперь тоска и скука, хотя Днепр чудесно разлился — так письма, особенно Ваши, развлекают и подбуждают. А Н(иколай) Ал(ександрович) скоро уезжает, С(ергей) Н(иколаевич)¹⁴ всегда занят, и я один здесь без дела слоняюсь.

Ваш ЛШ

¹ Имеется в виду опубликованная в № 3 «Вопросов жизни» статья Бердяева «Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности»)».

² Одновременно Шестов сообщил сестре Фане: « (...) он (Бердяев. — И. Д., А. Д.) мне признался, что прочел книгу наскоро, так как она ему была некстати: у него уже сложилась в голове статья по прежним моим работам, а „Ап. б.“ немного расстраивал готовый план. Но все же впечатление было не в мою пользу» (письмо от 14.04.1905; цит. по: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 80*).

³ Имеется в виду следующее высказывание Бердяева: «Мне жаль, что „беспочвенность“ начала писать свой „Апофеоз“, тут она делается догматической, несмотря на подзаголовок „опыт адогматического мышления“. Потерявшая всякую надежду беспочвенность превращается в своеобразную систему успокоения, ведь абсолютный скептицизм также может убить тревожные искания, как и абсолютный догматизм. (...) Разрушительные и творческие моменты всегда сплетаются, творческие моменты есть и у Шестова, но боюсь, чтобы он не успокоился на окончательном, не мятежном уже скепсисе» (*Бердяев Н. Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности») // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 260, 276*).

⁴ Лихтенберг Георг Кристоф (1742—1799) — немецкий просветитель, физик, художественный критик. С 1769-го по 1799 год — профессор физики и астрономии Гёттингенского университета. В 1795 году был избран членом Петербургской Академии наук. Русский перевод его книги «Афоризмы» был опубликован в Петербурге в 1899 году.

⁵ Шестов неточно цитирует Лихтенберга. Ср.: «При небольшой лихорадке я однажды ясно заметил, что бутылка воды может превратиться в бутылку вина, совершенно так-же, как четырёх-угольная фигура превращается в треугольник» (*Лихтенберг Г. Х. Афоризмы. СПб., 1899. С. 15; разд. «Сообщения и заметки автора о себе самом»*).

⁶ Тернавцев Валентин Александрович (1866—1940) — писатель-богослов, деятель Религиозно-философского общества в Петербурге, состоял чиновником особых поручений при обер-прокуроре Синода (с 1907 года).

⁷ В. А. Тернавцев долгое время был близким другом В. В. Розанова. В своих воспоминаниях Андрей Белый запечатлел взгляд «извне» на их отношения: «Тернавцев был внутренне в церкви; а Розанов силился блеском церковных лампадок иллюминировать акт полового сожития; и тем не менее чернородый, большой, крепкотелый Тернавцев и рыженький, маленький, слизью обмазанный Розанов, сев в одно кресло, друг друга нашьлепывали по плечам: и, называя друг друга „Валено“, „Васено“, пикировались: без-злости» (*Белый А. Начало века. С. 495*). Об их отношениях упоминает также З. Н. Гиппиус в посвященной Розанову главе «Задумчивый странник» (см.: *Гиппиус З. Н. Живые лица. Прага, 1925. Вып. II*).

⁸ Религиозно-философские собрания — официально санкционированные встречи представителей православной церкви с «декадентской» интеллигенцией (в круг участников собраний входили Мережковские, Розанов, Минский, Перцов, Философов и др.) в 1901—1903-м годах в Петербурге.

Протоколы собраний печатались в журнале «Новый путь», а также вышли отдельным изданием в 1906 году.

⁹ См. прим. 6 к п. 2.

¹⁰ Имеется в виду фельетон Шестова, опубликованный в «Киевских откликах». См. прим. 11 к п. 3.

¹¹ Речь идет о Н. А. Бердяеве и З. Н. Гиппиус.

¹² Возможно, под влиянием именно этого высказывания Шестова о Розанове возникло первоначальное название повести Ремизова «Неуемный бубен» (1908—1909) — «Недопевший соловей», где образ главного героя — Ивана Семеновича Стратилатова — содержит явные аллюзии на Розанова. См.: Данилевский А. А. Герой А. М. Ремизова и его прототип. С. 150—165. Об актуальности для Ремизова распространения символики «пения» на любое творческое состояние души см.: Там же. С. 157; Данилевский А. А. A realioribus ad realia // Учен. зап. Тартуск. ун-та. 1987. Вып. 781. С. 110, 121.

¹³ Музыка прежде всего! (фр.) — цитата из стихотворения Поля Верлена «Art poétique». Шестов использовал ее в качестве эпиграфа к своей статье, посвященной критическому разбору II-го тома исследования Д. С. Мережковского «Л. Толстой и Достоевский» — «Власть идей» (Мир искусства. 1903. № 1/2. С. 77).

¹⁴ С. Н. Булгаков.

5

Бог Вас простит, Алексей Михайлович — а я не сержусь. Могли бы и все письмо прочесть — там тайн не было. К сведению Вашему — автор письма внука знаменитого положительного мыслителя Лаврова,¹ — а пишет мне, между прочим: «сотрудничаю в „Образовании“,² а люблю „Вопросы Жизни“». ³ Вот что случается на свете. . . .

Мою статью о «В(опросах) Ж(изни)»⁴ Вы уже чересчур глубоко поняли. Верно, из дружеского ко мне чувства. Но, на самом деле, я не враг политики. Знаю, что политическая свобода ничего не разрешает. Но, если б я сидел в тюрьме — я бы только и мечтал о воле, хотя тоже хорошо знаю, что и на воле руки связаны. Я серьезно хвалил Булгакова за политические статьи.⁵ Если бы умел писать так, как он, ей Богу только и писал бы о политике. Но не умею и противно как-то пером бороться за свободу — это идиосинкразия у меня. Пробовал было — два месяца статью обдумывал и ничего не вышло. Вы счастливей меня: читаете хождение по мукам Богородицы⁶ и политику забыли. Я не могу ни забыть, ни помнить. У меня ни в чем счастья нет, и я всегда делаю не то, что хотелось бы делать.

Кто это говорил Вам, что я Вас бранил. Верно, сами выдумали. Подозреваете меня в ясновидении? С Вас станется! Вы, пожалуй, поверите в возможность прочесть апрельскую книжку «В(опросов) Ж(изни)» за месяц до ее появления в свет. Может, и возможно, и мне бы это очень к стати и к лицу было бы — только этого, к сожалению, нет. Слышать слышал, что даже сама З(инаида) Н(иколаевна)⁷ не понимает Вашего «Пруда» — говорит, что о(т)стала. . . Поздравляю Вас и предупреждаю, что я, если и не пойму, постыжусь признаться. . . .

Третью книжку «В(опросов) Ж(изни)» получил. Скажите, пожалуйста, — Вы ведь это должны знать — я состою годовым или негодовым подписчиком «В(опросов) Ж(изни)»? Это к тому, что мне хотелось бы теперь же, как можно скорей, получить премию, т(о) е(сть) роман Мережковского.⁸ Имейте в виду, что, если я ее скоро получу, то о ней появится статья в «(Киевских) Откликах» — хоть и не моя.⁹ Похлопочите, чтоб выслали.

Волжскому¹⁰ скажите, что он напрасно обиделся. Быть молодым писателем вовсе не так уже плохо,¹¹ а (о)чень хорошо, лучше, чем старым. Я, как вспоминаю, что у меня 4 книжки написаны¹² — прямо в отчаяние прихожу. И вообще, написал о Волжском не из злости, а для его же пользы. От многословия легко, при желании, отделаться.

Н(иколай) А(лександрович)¹³ уехал. Я обещал быть на вокзале — и не был. Скажите ему, что прощения прошу. Тяжесть одолела. Мысленно я его провожал — т(о) е(сть) думал о нем весь вечер и даже письмо ему писать начал, да бросил: не вышло. С(ергей) Н(иколаевич)¹⁴ всегда занят, здесь, как и у Вас, все всегда заняты, а я сейчас все написал, что мог, и нужно ждать, пока новое увижу. Так что даже обычных двух строчек в день не пишу.

Ну, будьте здоровы и пишите. И Мережковского пришлите. С(ерафиме) П(авловне) — привет от меня.

Ваш ЛШ

По содержанию письмо может быть датировано маем 1905 года.

¹ Лавров Петр Лаврович (1823—1900) — русский философ и социолог, публицист, идеолог революционного народничества. Шестов, по-видимому, имеет в виду писательницу О. Э. Негрескул-Котылеву (псевд. О. Миртов), жену покровителя Ремизова в его скитаниях по петербургским издательствам и редакциям А. И. Котылева. Позднее Ремизов вспоминал о ней: «(...) Котылев получил известность и в самых высоких кругах литературы за свое „родство“. Е. А. Ляцкий женился на престарелой дочери А. Н. Пыпина или, как говорилось, на пыпинском архиве, а Котылев на внучке Петра Лавровича Лаврова; под повестями и рассказами, ее печатали везде, она подписывалась С. Миртов. В ее внешности ничего не было „писательского“, всегда нарядная „модница“, она была похожа скорей на офицерскую жену, с хохолком и бархоткой, таких встречал Достоевский, а говорливость непрерывная и ни на какой гонорар не поддающаяся» (Ремизов А. Встречи. Петербургский буерак. Париж, 1981. С. 52).

² «Образование» — ежемесячный научно-популярный и литературно-политический журнал общедемократического направления, издавался в Петербурге в 1892—1909-м годах. В 1905 году был третьим по популярности журналом в России. В № 4 за 1905 год были опубликованы очерки О. Миртова (О. Негрескул-Котылевой) «Затерянные края».

³ Тяготение О. Негрескул-Котылевой к модернистской идеологии и эстетике несколько позднее выразилось в том, что она приняла участие в журнале «Русская мысль», когда его литературный отдел возглавил В. Я. Брюсов. См. об этом: *Никитина М. А. «Русская мысль» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. С. 37, 41.*

⁴ См. прим. 11 к п. 3.

⁵ См.: Приложение I. С. 158.

⁶ «Хождение Богородицы по мукам» — новозаветный апокриф, памятник средневековой эсхатологической литературы, пользовавшийся чрезвычайной популярностью на русской почве ввиду особого значения культа Богородицы для национальной духовной традиции. Древнейший русский список «Хождения» относится к XII веку и опубликован в широко известной среди любителей российских древностей, к числу которых принадлежали и многие писатели-модернисты, включая и самого Ремизова, книге Н. С. Тихонравова «Памятники отреченной русской литературы» (М., 1863. Т. II). Для Ремизова «легендарное крепче исторического, мифы живут века, а история — в учебниках» (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. С. 296). В книге «Кукха» (глава «Легенда»), определяя «Хождение Богородицы по мукам» как «единственную легенду, в которой все существо наше, вера русская и такая — другая, не Дантова» (С. 107), Ремизов писал: «Легенда „Хождения“ — из Византии не русская, а как пришла в Россию и как полюбилась, стала русской, самой своей, самой исконной — за великое милосердие великого сердца — за „непрощаемый грех“, который прощается. Там на Западе Дантovo здание сверху и до низу — от ада до рая — раз и навсегда и этот „грех непрощаемый“, а тут на Востоке это Хождение — Богородица ходит по аду во все тьмы, огни и морозы и не хочет возвращаться в рай — хочет мучиться с грешниками во тьме, во огне, в морозе. По апокрифу Богородица призывает все силы небесные, пророков и апостолов и праведников и просит Бога помиловать грешников. И отпускает Бог грешников — дает им отдых от Великого четверга до святой Пятидесятницы. Но это еще не все. Продолжаю апокриф — может ли великое сердце успокоиться сроком? но и справедливость — кара грешникам за безобразие — не может длиться срок до беспредельности (...) И кончается тем, что Богородица отказывается от райского блаженства, уходит из рая и идет мучиться с грешниками — в ад — на землю» (С. 105—106). Особый интерес Ремизова к «Хождению Богородицы по мукам» выразился в создании целого ряда пересказов этого апокрифа («Страсти пресвятыя Богородицы», «Страды Богородицы», «Хождение Богородицы по мукам»), введении мотивов «Хождения...» в оригинальные произведения (например, повесть «Страница» (Пгр., 1918)), а также в частом упоминании, как, например, в повести «Канава» (см.: *Ремизов А. Избранное. Л., 1991. С. 391 и др.*).

⁷ З. Н. Гиппиус.

⁸ Речь идет о романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», публикация которого началась в журнале «Новый путь» (1904. № 1—5, 9—12) и завершилась в «Вопросах жизни» (1905. № 1—3). Начиная с № 2 редакция «Вопросов жизни» помещала в журнале следующее объявление: «Подписчики „Вопросов Жизни“, не имеющие начало романа Д. Мережковского „Петр и Алексей“, получают бесплатно эту книгу в изыском издании Пирожкова; причем годовым подписчикам она будет разослана в первом полугодии, а лицам, подписавшимся в рассрочку, в последней четверти года». А на обложке № 4/5 сообщалось: «При этом номере всем годовым платным подписчикам рассылается роман Д. Мережковского „Петр“».

⁹ В «Киевских откликах» (1905. 11(24) июля. № 189. С. 3) появилась рецензия на это издание романа Мережковского «Петр и Алексей» за подписью «Е. Марганец» (возможно, Е. И. Бронштейн).

¹⁰ Волжский (псевдоним Александра Сергеевича Глинки; 1878—1940) — философ, литературный критик, один из главных публицистов «Вопросов жизни». Товарищ Ремизова по вологодской ссылке. См. его письма (9) Ремизову 1906—1912 годов: ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 89.

¹¹ Здесь и далее подразумевается реакция Волжского на высказывания в его адрес, содержащиеся в статье Шестова о «Вопросах жизни», опубликованной в «Киевских откликах». См. Приложение I. С. 160.

¹² Имеются в виду книги Шестова: «Шекспир и его критик Брандес» (СПб., 1898), «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. (Философия и проповедь)» (СПб., 1900), «Достоевский и Ницше. (Философия трагедии)» (СПб., 1903), «Апофеоз беспочвенности. (Опыт адогматического мышления)» (СПб., 1905).

¹³ Н. А. Бердяев.

¹⁴ С. Н. Булгаков.

6

Может пришлешь свою рецензию ¹ на «Ап(офеоз беспочвенности)»? я вернул бы. Интересно прочесть.²

Прости, голубчик Алексей Михайлович, что долго не писал. Причин тому много. Во-первых, гости приезжали: сначала Мережковские, потом Жуковский.³ А затем — ведь я не писатель, ты уже знаешь. Пока соберусь письмо написать — вечность проходит. Знаю, что нужно тебе давно уже отчет о романе твоем дать. Прочел уже все (и оттиск). И вот впечатление: художественное дарование у тебя несомненное. Часто, очень часто слышится собственный голос. Но — не всегда. Бывает, что *и чужой голос доносится*. Потом — мат(е)риал богатый и любопытный, но обработан *местами недостаточно*, так что выходит *громоздко*. Это отчасти хороший признак. Значит, что автор занят внутренними делами и не всегда имеет время на отделку. Если «молодой писатель» (не обидишься?) громоздок — можно рассчитывать на него. Если гладок и легок — ставь над ним крест. Таково мое суждение с эстетической стороны. О задачах пока еще судить не берусь: нужно дочитать до конца. Заметен вкус к подполью ⁴ — и окна что-то почти не видать. В отличие от меня у тебя вкус (к подполью) так сказать природный, наследственный — а у меня приобретенный. Второе отличие от меня — большая любовь к искусству и картинам, иногда чересчур, на мой взгляд, большая, так как мешает и отвлекает от борьбы. Я в подполье, но всегда готов выпрыгнуть — только висит на шее камень тяжелый, не дает подняться. У тебя же иной раз кажется, что ты и подниматься не стал бы, если бы мог. Может, ты и прав, а может это увлечение художника, пишущего картину. В общем твой первый опыт кажется мне значительным — а посему благословляю на дальнейшие. Таково мое суждение — может и неправильное, это покажет будущее. Если чего не заметил — не сердись: человек бо емь и могу просмотреть. Между прочим, все время, когда читал роман, вспоминал «детство» Толстого и начало «Войны и Мира». Как различно живут люди! И на чьей стороне преимущества — на стороне купечества или старого барства? Положа руку на сердце, скажи, как ты сам думаешь? Достоевский, это я знаю, завидовал Толстому, я тоже завидую, а ты? . . . . .

Ну, кончил литературу. Теперь «жизнь». Были в Киеве Мережковские. Помирились совсем.⁵ З(инаида) Н(иколаевна) напала на меня сначала, за мои убеждения, потом оставила. И Д(митрий) С(ергеевич) тоже. На второй день совсем об убеждениях не разговаривали, как и прилично современным литераторам. Я рад, что мы помирились — ведь, ей Богу, не из чего сориться было. Я про вас всех (тебя, Н(иколая) А(лександровича)⁶, Д(митрия) Е(вгеньевича) и т(ак) д(алее)) много худого Мережковским рассказывал. Особенно о пьянстве. Я здесь всем об этом рассказываю. Хохочут — но явно завидуют. А З(инаида) Н(иколаевна) сердилась. Это, говорит, пошлость. Д(митрий) С(ергеевич) иначе судил: нужно, говорит, посмотреть. От З(инаиды) Н(иколаевны) вам всем, верно, достанется. Она еще за радение у Минского сердится.⁷ Без меня ей уже кто-то донес, я от себя мало добавил. С Жуковским философствовали весь вечер, только мои объяснения, кажется, мало помогают. Да и что объяснять, когда сам ничего не понимаешь? (см. стр(аницу) 87, V^а книжка

«В(опросов) Ж(изни)» «Пруд» пред началом V^й главы).⁸ Так-то, Алексей Михайлович. И тебе тошно, и мне тошно. Поклонись Сер(афиме) П(авловне), Н(иколаю) А(лександровичу), Лидии Юд(ифовне),⁹ и Георгию Ивановичу¹⁰ (не забудь его). Твой ЛШ

По содержанию письмо может быть датировано июнем 1905 года.

¹ Здесь и далее выделенное нами курсивом подчеркнуто красным карандашом.

² См. прим. 5 к п. 2.

³ Жуковский Дмитрий Евгеньевич (1868—1943) — биолог по профессии, переводчик философской литературы, издатель и редактор «Вопросов жизни», муж поэтессы А. К. Герцык. В книге «В розовом блеске» (Нью-Йорк, 1952) Ремизов вспоминал: «(...) Дмитрий Евгеньевич Жуковский, издатель неподъемных кирпичей Куно Фишера, философ, сам не писал, а любил в философских разговорах вставить замечание о трансцендентном (...)» (С. 301). Он упоминается также в книгах Ремизова «Кукха» и «Иверень». Подробнее о Жуковском см. в книге Е. К. Герцык «Воспоминания»; здесь же опубликованы письма (12) Шестова к Е. К. Герцык, а также к Д. Е. и А. К. Жуковским 1924—1926 годов (С. 165—192).

⁴ «Подполье» — центральное понятие философии Шестова этого периода, восходящее к «Запискам из подполья» Ф. М. Достоевского. Не менее значимо и для творчества Ремизова, в том числе и для романа «Пруд», о котором размышляет здесь Шестов. Любопытно, что Шестов, судя по началу письма невольно, так как текст рецензии ему еще не известен, развивает основную тему заметки Ремизова «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспочвенности“» (см. прим. 5 к п. 2).

⁵ Имеется в виду примирение после конфликта с Мережковскими, который возник из-за резкой критики Шестовым в статье «Власть идей» второго тома книги Д. С. Мережковского «Лев Толстой и Достоевский». См. об этом инциденте: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 48—49, 51—52.

⁶ Н. А. Бердяев.

⁷ Минский (наст. фамилия Виленкин) Николай Максимович (1855—1937) — поэт, драматург, критик, философ, переводчик; один из первых русских символистов. Принимавший участие в этом «радении у Минского» Бердяев впоследствии писал: «Тут необходимо вспомнить об одном характерном проявлении того времени, вызвавшем ложные и нелепые резонансы и пересуды. Дионисическая настроенность, искание необыкновенного, непохожего на обыденность, привело группу писателей того времени к попытке создать что-то похожее на подражание „дионисической мистерии“ В этом духе был устроен всего один вечер на квартире у Н. М. Минского. Вдохновителем был В. Иванов. Надеялись достигнуть экстатического подъема, выйти из обыденности. Выразалось это в хороводе. В этой литературно надуманной и несерьезной затее участвовали выдающиеся писатели с известными именами — В. Розанов, В. Иванов, Н. Минский, Ф. Сологуб и другие. Больше это не повторялось. Вспоминаю об этой истории с неприятным чувством. Пошли разные слухи и проникли в печать. Долгие годы спустя в правой обскурантской печати писали, что служили черную мессу. Все приняло крайне преувеличенные и легендарные формы. Я не вижу ничего хорошего в том „дионисическом“ вечере, вижу что-то противное, как и во многих явлениях того времени; но ничего ужасного не было, все было очень литературно, театрально, в сущности — легкомысленно» (Бердяев Н. Самопознание (опыт философской автобиографии). Paris, 1989. С. 179—180). Ср. в романе О. Д. Форш «Ворон» (Форш О. Летошний снег. М., 1990. С. 305—307, 310—312).

⁸ Имеется в виду следующий пассаж: «А там на скользкой горке запорошенного пруда крохотный бесенок с ликом постника неподкупной и негодующей человеческой честности, по-кошачьи длинно, вытанув копыто, горько и криво смеется закрытыми губами. Кружится-крутится, падает снег, кружится, падает старый, темный снег на темную, в яви полусонную, уродливо-кошмарную жизнь... непонятную» (Ремизов А. Пруд // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 87).

⁹ Рапп Лидия Юдифовна (1874—1945) — жена Н. А. Бердяева. Фамилию Бердяева стала носить с 1909 года.

¹⁰ Г. И. Чулков.

7

17.VI.1905¹

Можно ли деньги для Лунд(бурга) прислать на мой адрес? Еще-бы, только побольше. Аванс пригодился тогда, а теперь, наверно, еще нужно.

Отчего не пишешь? Обиделся за критику? Не годится. Если и недоволен, то все ж обижаться не следует. Я, еще может другое скажу, когда дочитаю роман до конца. На днях отправил в «Н(ашу) Ж(изнь)»³ статью об вас обо всех.⁴ Не удалась она мне. Но, скажи всем, что, если опять обиды будут, то, ей Богу, никогда больше ни о ком из вас

писать не стану. Поклон С(ерафиме) П(авловне), Лид(ии) Юд(ифовне), Н(иколаю) А(лек-сандровичу), Г(еоргию) И(вановичу)⁵ — словом, всем поклон.

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо. Датируется по штемпелю: Киев — 17.VI.1905. Получено в Петербурге 19.VI.1905.

² Речь идет, по-видимому, о гонораре Е. Г. Лундберга за рассказ «Около смерти», помещенный в «Вопросах жизни» (1905. № 6. С. 69—81).

³ «Наша жизнь» — ежедневная газета, выходившая в Петербурге в 1904—1906 годах; по своей политической ориентации близка левому крылу партии кадетов. Издатель: Л. В. Ходский.

⁴ Имеется в виду статья Шестова «Литературный сецессион. («Вопросы Жизни», январь—июнь)» (Наша жизнь. 1905. 15(28) июля. № 160. С. 2—3; см. также Приложение). В статье есть следующее упоминание о Ремизове и его романе «Пруд»: «Еще укажу на роман А. Ремизова — „Пруд“. Насколько мне известно, Ремизов — дебютант и еще нигде не печатался. У него несомненное художественное дарование: на это указывает как форма, так и содержание романа. Но у Ремизова вкус к проблематическому, непонятному, неразгаданному. Вместо того, чтобы сводить неизвестное к известному, он наоборот старается понятное сделать загадочным. Зачем? А вот подите же» (С. 3).

⁵ С. П. Ремизова-Довгелло, Л. Ю. Рапп (Бердяева), Н. А. Бердяев, Г. И. Чулков.

8

Получил твое письмо, голубчик Алексей Михайлович, и так ему обрадовался, словно бы не письмо пришло, а ты сам приехал. Я брат здесь так живу, так живу, как только я могу.¹ Рассказал бы подробно — да ведь нашему брату, литератору, ничего рассказать нельзя — сейчас в рецензию впишет, о приятелях я уже не говорю — так уже лучше помолчу. Да кроме того, длинно рассказывать.

Отзывы о твоём романе меня радуют. Во-первых, все же отзываются — о моей первой книжке никто слова не сказал.² А во-вторых, если и бранят — так это ничего. Немножко ты и заслужил: слишком захудожничался. А существа пока еще не разобрали: значит есть новое. Мой отзыв тоже еще не окончательный. Чтоб судить о романе, нужно его весь, целиком прочесть. Значит — жди сентября (*10^я книжка в сентябре?*)³ Нет в октябре — только что сообразил). Если не будешь *обижаться* — буду по совести говорить. Да ведь чего тебе в сущности обижаться? Главное — чтоб дарование признали: а в этом тебе никто не отказывает. Еще лучше, когда никто дарования не признает, а сам его в себе чувствуешь. Только для нас это уже вещь недостижимая. Когда-то — действительно так бывало — но теперь даже и не верится, что так быть могло. Как по-твоему! Об моей статье в «Н(ашей) Ж(изни)»⁴ заранее предупреждаю, что я там ни чуточки не *ехидничал*. Но, вероятно, выйдет то же, что и со статьей в «К(иевских) Откликах»: я хвалю, а люди, пожалуй, подумают, что браню. Это так со всеми моими писаниями выходит: толкуют навыворот. Почему? Вероятно потому, что как-то не верят, чтоб у человека был не такой вкус, как у всех. Я люблю и хвалю противоречия, например, или вой собак.⁵ Люди думают, что я это в шутку. Верно, и в редакции «Н(ашей) Ж(изни)» мою статью так поняли. А вот ты прочтешь (у тебя ведь вывороченный вкус) и увидишь, что ехидства и тени нет. Если бы не было неловко, я и про себя написал бы то же, что про Бул(гакова), Берд(яева), Волж(ского), или тебя. Потому что все одного поля ягоды: только одна зреее, другая зеленая.

Сегодня прочел в «Н(ашей) Ж(изни)», что возобновляется и «Новый Путь» и «Мир Искусства».⁶ Правда это, и, если правда, то отчего ты мне не написал об этом. *Ведь очень интересно!* Я, правда, не понимаю, как могут существовать сразу столько декадентских журналов, когда не только читателей, но и писателей на один с трудом хватает. «В(опросы) Ж(изни)» разбирают благодаря политике, и, если от вас декаденты уйдут, придется прибавить порядочно таки «потребительских обществ в Италии».⁷ Лучше уже вам помириться с З(инаидой) Н(иколаевной). Ведь это, наверное, она все хлопочет о возобновлении «Н(ового) Пути».⁸

Издателя на твой роман нелегко будет найти — особенно такого, который бы полистный гонорар заплатил. Бедный Д(митрий) Е(вгеньевич)⁹ теперь из-за «В(опросов) Ж(изни)» совсем без денег сидит. А ведь у тебя роман громадный — рублей тысячу нужно за него отдать, да и печатанье не дешево стоит. Жаль, что сразу, когда в «В(опросах) Ж(изни)» печатался, не воспользовался набором — тогда бы дешевле вышло. А то ведь роман твой в отдельной продаже плохо пойдет, п(отому) ч(то) журналы и газеты разнесут.¹⁰ Отчего ты ни о ком из наших не пишешь? *Что Н(иколай) А(лександрович)? Лид(ия) Юдиф(овна)?*¹¹ Скоро уезжают? А ты сам едешь в отпуск? Или все лето в Питере проживешь? Я так на все лето засел в Киеве. Не верю сам себе, а сию! Пиши, по крайней мере, письма — все же ты в столице. Поклон Серафиме Павловне. Потом не забудь подробно написать (только правду), остались ли довольны у вас моей статьей о «В(опросах) Ж(изни)».

Твой ЛШ

Деньги (10 р(ублей)) получил, оттиски для Л(ундберга) тоже, а деньги для него верно придут завтра.¹²

Письмо пролежало несколько дней. За это время успела придти книжка «В(опросов) Ж(изни)». В ней с удивлением заметил отсутствие *статьи Волжского*, еще при мне присланной.¹³ Что это значит? Неужто забраковали? Напиши, в чем дело? Или отложили до следующей книжки? Волжского не следует обижать. Я и то уже в «Н(ашей) Ж(изни)» всех назвал молодыми писателями, а его не назвал. И сказал, что статья интересная.¹⁴ Он меня выбрал¹⁵ и подействовало.

Получил повестку на б/р 25 р(ублей). Это для Лундберга, соображаю. Ему к стати — ему всегда к стати деньги. Теперь он приносит мне новую небольшую работу, под названием «Смутное».¹⁶ Мне понравилось — пожалуйста, вы там, со своими строгостями, не вздумайте забраковать.¹⁷

Но все это присказка — а сказка впер(е)ди. Открой свои уши и внемли. Я к тебе с просьбой, челом бью и т(ак) д(алее). И обещай, прежде, чем прочтешь, что исполнишь. Иначе — ты больше мне не друг. Это насчет П. Е. Щеголева.¹⁸ Мой приятель Бронштейн¹⁹ написал статью о романе Мережковского.²⁰ Когда я был в Петербурге, Щеголев обещал непременно напечатать.²¹ Но Щеголев толстый и добрый человек. А толстые и добрые люди, как я заметил, легче обещают, чем исполняют. Так вот я тебя и прошу: не давай покою Щеголеву, чтоб напечатал и поскорей. Для Бронштейна это имеет колоссальное значение. Голубчик домовой,²² похлопочи. Я уже тебя при случае как отблагодарю: ручки и ножки целовать буду. У Бронштейна 7 человек детей и в «(Киевских) Откликах» его душат за то, что он не достаточно знаменитый. А как пройдет статья в «Н(ашей) Ж(изни)» совсем иначе почитать будут. Ты ведь человек коммерческий — знаешь, что такое кредит. Еще раз и еще раз ужасно прошу — похлопочи, не давай покоя Щеголеву, пока не напечатает.²³ И сейчас мне напиши, что обещаешь, чтоб я не беспокоился. Я и Чулкову отдельно на этот счет напишу — только ты не думай на него полагаться. Ты сам по себе, он сам по себе. Поклонись Серафиме Павловне — может и она за меня у Щеголева похлопочет.

Твой ЛШ

Жду немедленного ответа!

По содержанию письмо может быть датировано концом июня 1905 года. Начато 20 июня.

¹ В это время Шестов выполнял обязанности управляющего в деле своего отца — «Мануфактурные склады Исаак Шварцман». Подробнее об этом см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 82—83.

² В данном случае Шестов не вполне точен: после выхода в свет его первой книги «Шекспир и его критик Брандес» (1898) о ней появились рецензии Ю. Айхенвальда (Вопросы философии и психологии. 1899. Кн. 47. № 2. С. 188—190), З. Венгеровой (Образование. 1900. № 1. С. 69—73) и А. Горнфельда (без подписи) (Русское богатство. 1900. № 1. С. 103—104; разд. «Новые книги»).

³ Здесь и далее слова, выделенные нами курсивом, подчеркнуты синим карандашом.

⁴ См. прим. 4 к п. 7.

⁵ Шестов подразумевает здесь следующий пассаж из своей статьи о «Вопросах жизни»: «Ясно, что мы имеем дело с опытами, с чем-то еще не определенным, незаконченным, — хотя между сотрудниками журнала встречаются имена не только молодых писателей. Но молоды здесь не люди, — направление молодо. Тесно стало в узких рамках позитивизма, рвутся на простор мятущиеся души, но вырвутся ли — Бог весть. Те же борения, часто трудные и мучительные, встречаете вы и в художественных произведениях, и в стихах, появляющихся на страницах нового журнала. Возьмите, к примеру, стихотворение Федора Сологуба (май), начинающееся словами: „Высока луна Господня“. Оригинальный и глубокий замысел — но сколько в нем ужаса, несмотря на всю его простоту. Кому бы еще пришло в голову взять сюжетом для стихотворения собачий вой? (...) Зачем? А вот подите же. (...) Зачем Бердяеву бросать логику, мораль и даже искусство и на двух соседних страницах высказывать два исключаяющих друг друга положения? Зачем Сологубу выть в лунную ночь с собаками? Зачем?» (Шестов Л. Литературный сецессион. («Вопросы Жизни, январь—июнь») // Наша жизнь. 1905. 15(28) июля. № 160. С. 3; см. также: Приложение II. С. 167). Шестов упоминает стихотворение Ф. К. Сологуба «Высока луна Господня...», опубликованное в № 4/5 «Вопросов жизни» (С. 45—46).

⁶ 20 июня 1905 года в разделе «Хроника» газеты «Наша жизнь» было помещено следующее сообщение: « (...) журнал г. Дягилева „Мир Искусства“ не окончательно, а лишь временно прекратил свое существование и скоро вновь будет выходить в свет. Возобновляется также (...) „Новый Путь“. Будущими редакторами его называют гг. Философова и Андрея Белого (Бугаева)» (С. 2).

Шестов имеет в виду статью В. Тотомиянца «Потребительные общества в Италии» (Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 247—271).

⁸ З. Н. Гиппиус была «душой» и фактическим редактором журнала «Новый путь». Подробнее об этом см.: Письма З. Н. Гиппиус к П. П. Перцову / Вступ. заметка, подг. текста и прим. М. М. Павловой // Русская литература. 1991. № 4. С. 124—159; 1992. № 1. С. 134—157. Об идейных разногласиях между Мережковскими и представителями редакции «Вопросов жизни» (Бердяевым, Булгаковым, Чулковым) см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни». С. 223—224, 230, 232.

⁹ Д. Е. Жуковский. См. прим. 3 к п. 6.

¹⁰ В № 9 «Вопросов жизни» (разд. «Объявления») сообщалось: «Готовится к печати новая книга: Алексей Ремизов. „Пруд“. Роман» (С. 422). Однако отдельным изданием ремизовский роман вышел только в 1907 году в издательстве «Сириус».

¹¹ Н. А. и Л. Ю. Бердяевы.

¹² Далее письмо продолжено другими чернилами.

¹³ Речь идет о статье Волжского (А. С. Глинки) «Pro domo sua. Обыденность трагедии. (О Шестове в ответ на статью о нем Бердяева «Трагедия и обыденность»», предназначавшейся для № 6, но опубликованной в следующем номере журнала. См.: Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 324—350.

¹⁴ Ср.: «Волжский поместил большую и интересную работу о Розанове (...)» (Шестов Л. Литературный сецессион. («Вопросы Жизни», январь—июнь) // Наша жизнь. 1905. 15(28) июля. № 160. С. 3; см. также: Приложение II. С. 165). Шестов имеет в виду статью Волжского «Мистический пантеизм В. В. Розанова», которая начала публиковаться в «Новом пути» (1904. № 12. С. 28—67), а затем печаталась в «Вопросах жизни» (1905. № 1. С. 191—216; № 2. С. 171—192; № 3. С. 146—168).

¹⁵ Имеется в виду антишестовская направленность статьи Волжского «Pro domo sua. Обыденность трагедии» (см. прим. 13 к наст. п.). Ср., например: «Вообще истинно трагические и искренно вопрошающие ноты в писаниях Шестова каким-то странным образом сливаются с бравурными звуками самого заурядного, „обыденного“ (что очень не любит «трагедия») „здорового смысла“. Это и дает часто иным страницам Шестова привкус какого-то „гадкого и грубого шика“ очень не идущего к его душе-раздирающим самоубийственным воплям...» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 350). См. также: Там же. С. 333, 335, 347.

¹⁶ Очевидно, речь идет об очерке Е. Лундберга, вошедшем впоследствии в его книгу «Мои скитания» (Киев, 1909. С. 51—56).

¹⁷ В «Вопросах жизни» «Смутное» не публиковалось.

¹⁸ Щеголев Павел Елисеевич (1877—1931) — литературовед, драматург, историк революционно-го движения. Товарищ Ремизова по вологодской ссылке. Подробнее об этом см. главу «Северные Афины» в кн. Ремизова «Иверень» (С. 237—272). См. также: На вечерней заре. Переписка А. Ремизова с С. Ремизовой-Довгелло // *Europa orientalis*. 1985. IV. С. 155, 164, 175—177, 190; *Europa orientalis*. 1987. VI. С. 238, 244, 246, 248—251, 264—265, 283—285. Щеголев часто упоминается Ремизовым в книгах «Взвихренная Русь» и «Мышкина дудочка» (Париж, 1953). Девять писем Щеголева Ремизову 1906—1911-го годов хранятся в РО ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (Ф. 634. Ед. хр. 243).

¹⁹ Бронштейн Евсей Исаакович (?—1923) — литературный и театральный критик; сотрудник ряда киевских газет, в том числе и «Киевских откликов»; близкий друг Шестова, принимавшего активное участие в устройстве его судьбы. Подробнее об этом см.: *Баранова-Шестова Н.* Жизнь Льва Шестова. Т. I. С. 61.

²⁰ Речь идет о романе «Петр и Алексей». В июле 1905 года в «Киевских откликах» появилась рецензия на этот роман Мережковского за подписью «Е. Марганец». См. прим. 9 к п. 5.

²¹ В это время П. Е. Щеголев входил в редакцию газеты «Наша жизнь» (см. прим. 3 к п. 7).

²² Шестов употребляет шутовское «прозвище», автором которого был сам Ремизов. Вспоминая о своей работе в редакции «Вопросов жизни», он писал: «Год 1905 я ничего не писал, отдавшись своему званию завхоза или домового, как тогда это называлось» (Ремизов А. Кукха. С. 11). Появление такой номинации не случайно в ремизовской автомифологии. Она восходит к исключительно важной для писателя семантике собственного дня рождения — на Ивана Купалу (24 июня). Этот праздник связан в народных представлениях с днем летнего солнцестояния. Поэтому особая символическая роль в купальской обрядовости отводится огню. У Ремизова, в соответствии с народной традицией, этот символ носит амбивалентный характер: с одной стороны, в его творчестве настойчиво звучит мотив страха перед стихией огня, предельным выражением которой является всепоглощающий пожар (см., например, его рассказ «Пожар», 1903); с другой стороны, именно огонь — символ творческой стихии духа (на этом основан символический подтекст его книг «О судьбе огненной» (1918) и «Огонь вещей» (1954)), что позволяет Ремизову увидеть в самом своем появлении на свет в ночь на Ивана Купалу знак творческого призвания. Как известно, в народных представлениях именно домовая является «бытовым» олицетворением огня (домашнего очага) и поэтому становится наиболее пригодной для «сниженного» автометаописания мифологемой. Впоследствии именно этот смысловой оттенок собственного образа подчеркивается Ремизовым, когда он пишет в своей «Автобиографии» 1912-го года по поводу главного героя рассказа «Жертва» (1908) — Петра Николаевича Бородин: «Автобиографических произведений у меня нет. Все и во всем автобиография: и мертвец Бородин (Собр. соч. т. I. Жертва) — я самый и есть, себя описываю (...)» (ГПБ. Ф. 634. Ед. хр. 1. Л. 11). Смысл этой декларации в том, что в образе мертвеца Бородина отражены не только народные представления о заложных покойниках, но и мифологический комплекс культа домового; соотнесенность Бородина именно с домом в рассказе очевидна. В более позднем творчестве Ремизов развивал, применительно к себе, и другой аспект образа домового. Часть его литературной маски стало домоседство и сопряженный с ним страх улицы, и шире — страх перед любым пространством, лежащим за границами собственного дома. Подробнее об этом см.: *Синяевский А. Литературная маска Алексея Ремизова // Aleksej Remizov. Approaches to a Protean Writer. Ed. by Greta N. Slobin. Columbus (OH), 1986. С. 28.*

²³ Статья Е. Бронштейна о романе Мережковского «Петр и Алексей» в «Нашей жизни» так и не была опубликована.

9

2 июля 1905.
СПБ.

Получил вчера твое письмо, Многоуважаемый. Но тотчас ответить не мог. Читал всю дорогу до Варшавск(ого) вокзала, хотел написать вечером, но спал в такой комнате, где ни чернил, ни перьев не водится. З(инаида) Н(иколаевна) и Д(митрий) С(ергеевич)¹ Вам кланяются. И тот, и другой отзываются о тебе с большим уважением. И ты, Старче, не сердись на них.

Думал встретиться там с П. Е. Щеголевым, да надул, не приехал.

Наверно, сегодня увижу его. Но все же сейчас напишу в «Н(ашу) Ж(изнь)» относительно Твоего ходатайства о Бронштейне.

«Новый Путь» не будет издаваться. Злые языки говорят, что «утку» пустил я. А по правде говоря, меня кто-то предупредил. Шуму и переполоху эта корреспонденция наделала уйму. Несколько вечеров только и речь шла об этом.

Волжского статья не попала, за беременностью №. В этой книжке пойдет.

На счет Лундберга, Г. И. Чулков к нему расположен, стало быть, ничего не забракуст. Об себе скажу, что начинаю выплывать под оплеухи.

Напечатали отзывы в «Каспии» (г. Баку). — говорят: рези в желудке поднимаются при чтении;² в «Сыне Отечества» сказали: тошнит от строчек и больше не будем возвращаться к роману;³ в «Зрителе»⁴ (интересный юмористический журнал, там помещены портреты некоторых деятелей, если хочешь, пришлю) выставили как обличителя реалиста.⁵

Из устных отзывов одна барышня говорит: пишу так, так мысли бегут.

Лосский⁶ спрашивает: где такие люди живут — смесь божьего с чортовым.⁷

Когда кончится «Пруд», о нем собирается писать в своем сборнике сама З(инаида) Н(иколаевна).⁸ А ты пиши по совести. Только не нападай.

А то ведь люди умные, а пишут о тошноте и желудке.

Ну, вот тебе сколько написал. Л(идия) Ю(дифовна) уехала. Н(иколай) А(лександрович)⁹ на днях. Митя (Д. Е. Жуковский) еще не отъехал.

А. Ремизов

Клан(яется) С(ерафима) П(авловна).¹⁰

¹ З. Н. Гиппиус и Д. С. Мережковский.

² Имеется в виду следующее: «(...) вычурностью отличается роман г. Ремизова — „Пруд“. Автор пытается дать характеристику разлагающейся богатой купеческой семье, а вместо ее дает ряд страниц символично-декадентского косноязычия и заикания. (...) Проглотив два, три десятка таких страниц, вы чувствуете рези в желудке и шум в голове, словно по ней колотили кузнечными молотками. (...) После такой операции у вас надолго пропадает охота читать произведения символистов и юродствующих российских декадентов» (*Бондаренко Е. А. Журнальное обозрение. «Русская Мысль» — апрель и май. «Вестник Европы», «Мир Божий» и «Вопросы Жизни» — май // Каспий (Баку). 1905. 25 июня. № 121. С. 2.*)

³ Рецензию, о которой идет речь, обнаружить не удалось.

⁴ «Зритель» — еженедельный «журнал политико-общественной сатиры», издававшийся Ю. К. Арцыбушевым в Петербурге в 1905—1908-м годах.

⁵ Подразумевается следующее: «Наша „господская“ литература очень бедна описаниями монашеской жизни. Потому тем интереснее ознакомиться с романом г. Алексея Ремезова (Так. — И. Д., А. Д.), печатающегося в журнале: „Вопросы Жизни“. Роман этот, под заглавием „Пруд“, только что начался, подробный отчет его мы дадим по окончании, а теперь только коснемся изображения автором некоторых черт монашеской жизни. Отличительная черта дарования г. Ремезова — это откровенность. Он не окутывает жизнь туманным флером, а беспощадной рукой безбоязненно срывает все ее покровы. Его кисть рисует жизнь во всей ее омерзительной наготы, со всей грязью, смрадом, пороками, гноящимися и смердящими ранами. В июньской книжке описывается известный Андрониев (так и назван Андрониев!) монастырь» (*Писака. Из журналов // Зритель. 1905. 26 июня. № 4. С. 11.*)

⁶ Лосский Николай Онуфриевич (1870—1965) — философ-идеалист, представитель интуитивизма и персонализма; некоторое время числился официальным редактором «Вопросов жизни».

⁷ 30 июня 1905 года Н. О. Лосский писал Ремизову: «Читаю Ваш „Пруд“. Огорельшевыцы — „истинно-русские люди“; меня интересует, в каких именно городах России можно видеть их живьем. Читая Вашу вещь, ясно чувствуешь, что русская жизнь — вместилище величайших противоположностей, совсем еще сплавленных в одно целое, так что не разберешь, где божие, где чортово. (...) Теряюсь в догадках, как назвать Вашу школу по манере письма» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1 Ед. хр. 140).

⁸ Замысел не был осуществлен.

⁹ Л. Ю. и Н. А. Бердяевы.

¹⁰ С. П. Ремизова-Довгелло.

Вот, брат, тебе новость: не выдержал характера и уезжаю за границу. Совсем заморился здесь — нужно хоть на пять, шесть недель дать себе отдыху. Еду, разумеется, в Швейцарию — по горам ходить. Мой адрес: Bern, (Schweiz), poste-restante. Оттуда перешлют по моим указаниям. Передай Дм(итрию) Серг(еевичу),¹ что я уезжаю. Пусть программу лекции пришлет сестре: Елизавете Ис(ааковне) Мандельберг,² Киев, Виноградная, 2. Она уже передаст кому следует, чтоб хлопотать о разрешении.

Последнее письмо твое невеселое. Укатали, знать, сивку крутые горки. Я тоже так. Мне и сам Бог велел — а тебе рано: ты ведь еще молодой писатель (не обиделся?). Пьянствуешь? Воздержись, бери с меня пример; я ведь ни капли с тех пор, как от вас уехал, не пил. А, впрочем, может тебе и лучше, если выпиваешь: кто тут разберет?

Хлопочешь о Бронштейне? Я и Чулкова просил, тот даже не ответил на письмо мое.

Может сердиться? Спроси, за что. Вы, столичные писатели, готовы обидеться по случаю и без случая. И Жуковский обещал хлопотать — а не пишет.

Что это значит, что моей статьи в «Н(ашей) Ж(изни)» нет?³ Верно, забраковали. А ведь статья прямо заказана. И 50 целковых ухнули (а теперь нужно для путешествия) и слава «В(опросов) Ж(изни)» отодвигается на десятилетие. Что это с твоим Щеголевым?! Ты его дойми и за меня, а главное, за Бронштейна. И напиши мне, как наши дела обстоят уже в Берн, ибо, повторяю, послезавтра я уезжаю. Может туда же и 7¹⁰ книжку вышлешь? Тогда побалую тебя отзывом о «Пруде». Кстати, бранят же тебя здорово за «Пруд». Но — не падай духом. Это лучше даже, когда бранят. Значит — новое. И в самом деле есть много нового. Мне кажется, что, если вполне свою манеру писать разработаешь, будет выходить превосходно. Мне жалко, что ты сразу по большому полотну писать стал. Ужасно хотелось бы, чтоб ты небольшой рассказ написал.⁴ Мог бы сразу шедевр выйти. А теперь у тебя слишком много забот — не со всеми успеваешь справляться. А все-таки много хорошего, если судить даже строго. Значит, не унывай.

Пиши же. Вот тебе еще раз почтовый адрес, чтоб не напутал: Bern (Schwiz), Leo Schwarzmann, poste-restante.

Привет Серафиме Павловне и Дмитрию Евгеньевичу.⁵

Твой ЛШ

По содержанию письмо может быть датировано первой половиной июля 1905 года.

¹ Д. С. Мережковский.

² Мандельберг Елизавета Исааковна (урожд. Шварцман; 1873—1943?) — младшая сестра Шестова, была замужем за врачом и коммерсантом Львом Евсеевичем Мандельбергом. Подробнее о ней см.: Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова. Т. II. С. 288 и по именному указателю.

³ См. прим. 4 к п. 7.

⁴ Шестов по неведению заблуждается, так как к моменту публикации в «Вопросах жизни» романа «Пруд» Ремизовым было написано и опубликовано достаточно большое количество мелких произведений так называемых «малых прозаических жанров». См.: Bibliographie des oeuvres de Alexis Remizov. Et. par Héléne Sinany. Paris, 1978. P. 103—104.

⁵ С. П. Ремизова-Довгелло и Д. Е. Жуковский.

11

1/14 Августа
1905 года

Получил и деньги, и письмо, и «В(опросы) Ж(изни)», и открытку, и «Странника»¹ — спасибо за внимание. Прочел с большим интересом «так называемую рецензию об Апофеозе»,² говоря твоим языком. Немножко в автобиографии не угадал: кой что пропустил, кой что прибавил. Это оттого, что ты руководствовался исключительно «Дост(оевским) и Нитше».³ Если бы имел в виду и прежние работы — верно подошел бы совсем близко. Но и то хорошо. Хохотал, читая, — но внутренне одобрял, и не я один, а еще некоторые люди, которым показывал.

Прости, что дебютантом назвал: сам виноват (—) никогда мне не показывал своих прежних работ. О продолжении романа скажу, что по-прежнему доволен. Все больше и больше убеждаюсь, что есть у тебя свое дарование художественное. Правда, есть и недостатки — особенно технические. Но они меня скорее радуют, чем огорчают. Каждый раз, когда писатель хочет быть совсем собой, он принужден жертвовать кой чем. Потом, верно, сгладится. Ты ведь «молодой писатель». — Правда твоя, что злоупотребил этими словами — но тут не моя только вина. Вы шпыняли, шпыняли меня Волжским — вот и дошпынялись. Не обиделся ли Н(иколай) А(лександрович)? Ты его после статьи видел? Статьей и я не очень доволен: меня политический отдел придушил. Но иначе нельзя было: первый раз в

«Н(ашей) Ж(изни)» о «В(опросах) Ж(изни)» писалось, так следовало обо всех отделах поговорить. Если бы не то, я бы может лучше написал. Поставил бы эпиграфом: «сестры, сестры войте, лайте на луну».⁴ Хорошо было бы?! А теперь выходит, что хоть я и свожу к вою всю вашу (нашу — мог бы сказать, да неловко было) деятельность, но никто (даже, кажется, ты — на что уж дока) не заметил этого. Кстати, редакция «Н(ашей) Ж(изни)» немножко пошупала статью: об Розанове сократили и исправили. Не знаешь, кто это постарался?

В открытке ты пишешь, что «поздравил бы» меня, да не весело на душе. С чем поздравлять? Кажется, ничего такого не произошло. А потом, отчего не весело? Общее ли петербург(г)ское состояние или что-нибудь свое? Операция ведь прошла благополучно:⁵ теперь радоваться бы! А я здесь в Швейцарии все тебя вспоминаю. Хорошо здесь. Горы, сочные луга, солнце и такой воздух, что ни в сказке сказать, ни пером описать. Всю политику, и войну, и философию как помелом из души вымело. Таким буржуем живу, что если, упаси Бог, Д(митрий) Е(вгеньевич)⁶ узнает, наверное прогонит из «В(опросов) Ж(изни)»: иди, скажет, в [нрзб.]⁷ или даже в «Новое Время»!⁸ Вот, если бы вас сюда! Пели бы «вниз по матушке по Вол(г)е»,⁹ попивали бы швейцарское вино (здесь ле(г)кое) и любовались бы на Alpenglügen.¹⁰ Нужно душе отдохнуть — а то совсем измочалишься! А здесь такой покой, что совсем мозгами шевелить не хочется: не мог даже понять, что такое Волжский обо мне и Бердяеве написал.¹¹ Верно, это действие природы швейцарской.

А любопытно будет, если Горький издаст «Пруд». Что он написал тебе? За что ругал и что хвалил?¹² А Андреева видел самолично? Оказывается, это твой приятель!¹³ Каково его мнение о «Пруде».¹⁴

Кланяйся Серафиме Павловне, Мережковским, Дм(итрию) Евгеньевичу и пиши почаще и побольше. Люблю твои письма. Адрес тот же: Bern, poste-rest(ante), имеет все преимущества простоты. Пробуду здесь недели три еще — и домой.

Твой ЛШ

¹ Что именно имеется в виду, неясно.

² Речь идет о заметке Ремизова «По поводу книги Л. Шестова „Апофеоз беспочвенности“».

См. прим. 5 к п. 2.

³ Имеется в виду книга Шестова «Достоевский и Ницше. (Философия трагедии)» (1903).

⁴ Заключительные строки стихотворения Ф. К. Сологуба «Высока луна Господня...».

См. прим. 5 к п. 8.

⁵ О какой именно операции идет речь, установить не удалось.

⁶ Д. Е. Жуковский.

⁷ Текст испорчен. Сохранились только кавычки и вторая заглавная буква «Б». Имеется в виду какой-то печатный орган.

⁸ «Новое время» — ежедневная газета, выходила в Петербурге в 1868—1917-м годах; орган ультраконсервативного направления. С 1876 по 1912 год издателем «Нового времени» был А. С. Суворин. В этой газете долгое время сотрудничал В. В. Розанов.

⁹ Русская народная песня.

¹⁰ Рдение альпийских горных вершин (нем.).

¹¹ Речь идет о статье Волжского «Pro domo sua. Обыденность трагедии. (О Шестове в ответ на статью о нем Бердяева «Трагедия и обыденность»)» (Вопросы жизни. 1905. № 7. С. 324—350).

¹² История взаимоотношений Ремизова и А. М. Горького подробно изложена в статье: *Крюкова А. М. Горький и А. М. Ремизов (Переписка и вокруг нее)* // Вопросы литературы. 1987. № 8. С. 197—212. В июне 1905 года, в надежде на публикацию «Пруда» в издательстве «Знание», Ремизов послал Горькому первые, напечатанные в «Вопросах жизни» (№ 4/5, 6), главы своего романа. Ответ Горького был резким: «Ваш „Пруд“ — как Ваш почерк — нечто искусственное, вычурное и манерное. Порою — прямо противно читать — так грубо, нездорово, уродливо и — намеренно уродливо, вот что хуже всего. А Вы, видимо, талантливый человек, и, право, жаль, что входите в литературу, точно в цирк — с фокусами, — а не как на трибуну — с упреком, мстью...» (*Горький М. Собр. соч.: В 30 т. М., 1954. Т. 28. С. 277*). 30 января 1906 года, уже после личного знакомства с Горьким, которое произошло 3 января того же года, Ремизов писал ему: «Рад был, что увидел Вас и послушал. Посылаю оттиски „Пруда“. Писал его не кривляясь, а задыхнувшись. Это меня тогда так укололо в Вашем письме. Многие неясности не по моей вине: много мест внутренняя цензура повычеркивала» (цит. по: *Крюкова А. А. М. Горький и А. М. Ремизов. С. 204*).

¹³ Андреев Леонид Николаевич (1871—1919) — прозаик, драматург. В 1902 году в московской газете «Курьер», литературным отделом которой заведовал Л. Андреев, были напечатаны первые

литературные опыты Ремизова (за подписью «Николай Молдаванов»). История этих публикаций (они были сделаны при содействии Горького, переславшего ремизовские произведения Л. Андрееву из Арамаза в Москву) и взаимоотношений с Андреевым подробно описана Ремизовым в книге «Иверень» (С. 225—231; гл. «Москва», глава «Анафема (Леонид Андреев; 1871—1919)»).

¹⁴ Отзывов Л. Андреева о ремизовском романе не сохранилось.

12

Flims. 14/27 Август(ста) 1905¹

Что это ты, Алексей Михайлович, сестру мою обижаешь? Майскую книжку прислал (и то, когда я был в Питере), а с тех пор — ничего. Проверь, и исправь ошибку. Адрес сестры: Davos-Dorf, Chalet-Büsch (Schweiz) Mme Balachowsky.²

Писал тебе — но что-то еще не получил от тебя ответа. Еду через неделю домой, так что, если ты еще не выслал Августовской книжки, направь ее в Киев.

Привет Серафиме Павловне и всем нашим. Здесь, во Flims'е, Зинаида Аф(анасьевна) Венг(ерова)³ и через час приезжает П. С. Соловьева (Allegro).⁴ Я, брат, с дамами!

Твой ЛШ

¹ Открытое письмо — *carte restante*. Дата отправления из Flims'a — 28. VIII. 05. Получено в Петербурге — 18. VIII. 1905 (по старому стилю).

² Балаховская Софья Исааковна (урожд. Шварцман; 1862—1941) — старшая сестра Шестова, с которой он был очень дружен, равно как и с ее мужем Даниилом Григорьевичем Балаховским (1862—1931), потомственным почетным гражданином г. Киева, владельцем сахарных заводов, французским консульским представителем в Киеве. Подробнее о них см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. II. С. 286—287 и по именному указателю.

³ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) — литературный критик, историк литературы, переводчица; сестра известного литературоведа С. А. Венгерова; писала по преимуществу о западной литературе XIX—XX веков. Близкий друг Шестова, автор одного из первых критических откликов на его книгу «Шекспир и его критик Брандес» (Образование. 1900. № 1. С. 69—73). Подробнее об их взаимоотношениях см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. II. С. 305—306.

⁴ Соловьева Поликсена Сергеевна (псевдоним: Allegro; 1867—1924) — поэтесса, детская писательница, редактор-издатель журнала «Тропинка», в котором в 1906—1910-м годах публиковались произведения Ремизова; сестра философа Вл. Соловьева. Сотрудничала в «Вопросах жизни» (см.: Allegro (*П. Соловьева*). Тень утренняя // Вопросы жизни. 1905. № 12. С. 156—157).

13

18/31 Августа
1905 г.

Посылаю тебе рецензию о книге Венгеровой.¹ Напечатай ее возможно скорее — а то мне уже неловко пред Зин(айдой) Аф(анасьевной) — скоро год, как собираюсь писать о ней!²

Сейчас пишу тебе из Planz'a, это недалеко от Flims'a, где живет сестра моя, С. И. Балаховская. Там-же, во Flims'е, теперь и Зинаида Афанасьевна, и Софья Григорьевна Пти³ (слыхал про нее? если не слыхал, спроси Бердяева: он тебе расскажет). До вчерашнего дня гостила там и Пол(иксена) Серг(еевна) Соловьева. Тебе все это нужно знать по причинам, [нрзб. — 1 сл.] следуют пункты: во 1^х здесь тебя читали вслух в большом обществе — читали «так называемую рецензию об Апофеозе»,⁴ как ты выражаешься, а во 2^х говорили о твоём «Пруде». Когда читали рецензию — все делали огромнейшие глаза, но это не мешало всем потом чрезвычайно хвалить ее. Даже хохотали некоторые, а хвалили все. 2) О «Пруде» разные мнения высказывались: одни говорили (замечашь, что все дамы были), что непонятно, а другие, в том числе Софья Григорьевна — в восторге. Говорит, что в твоём лице Россия будет иметь еще одного большого писателя. В декабре С(офья) Г(ригорьевна) придет в Петербург. Увидишься — услышишь непосредственно из ее уст великие похвалы. 3) Читали и стихотворение к Наташе:⁵ всем понравилось. Ответа на свое последнее

письмо еще не получил. Лень писать? Или не до писания? У вас в Петербурге, верно, теперь тоска смертная! А все же пиши: только уже на Киевский адрес. В Швейцарии я пробуду дня три, может четыре, потом через Висбаден⁶ и Берлин домой. Не очень-то хочется уезжать, но дольше оставаться невозможно. Впрочем — довольно набегался: грех жаловаться, особливо, как вспомнишь, что другие (хотя бы ты) все лето в Питере проторчали.

Напиши мне в Киев обстоятельно про всех наших: кто где и что делает. Потом, напиши про «Воп(р)осы Жизни». Долго ли им еще жить? Теперь это уже должно было выясниться.⁷

Может быть, осенью попаду в Петербург. Хотя только может быть: дел никаких нет. Ничего не написал и, видно, не скоро напишу. Что-то мерещится мгновениями и интересное, и значительное. Но уловить и трудно, и странно сказать, страшно. К новому всегда страшно приступать. Потом, работа пугает. Это ведь рецензию в два часа напишешь. А ежели что серьезное — так за два часа и двух строчек не выведешь. Нужно сперва Музу призвать, да расположить ее к себе: она ведь капризная, жестокая и неподатливая женщина. Знаешь, надеюсь?

Поклонись Серафиме Павловне и тем из наших, кто сейчас в Петербурге. И пиши уже прямо в Киев.

Твой ЛШ

¹ Очевидно, речь идет о книге З. А. Венгеровой «Литературные характеристики» (СПб., 1905. Т. II). О выходе этой книги неоднократно сообщали «Вопросы жизни» (см.: № 2. С. 488; № 4/5. С. 566; № 6. С. 405).

² В «Вопросах жизни» рецензия Шестова не появилась. В апреле 1906 года философ отдал ее в «Киевские отклики», но и здесь она не была напечатана (см.: *Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 84). Черновой набросок рецензии воспроизведен Барановой-Шестовой в Т. II (С. 306).

³ Пти (Пети) Софья Григорьевна (урожд. Балаховская; 1870—1966) — близкий друг Шестова; «(...) уехала из России совсем молодой девушкой в конце прошлого столетия, поступила на юридический факультет Парижского университета и блестяще его окончила (1892). На факультете она познакомилась с Евгением Юльевичем Пети (1871—1938), вышла за него замуж. Она была первой женщиной, записавшейся в сословие французских адвокатов. Она выступала лишь несколько раз во французском суде, отдавая свои силы франко-русскому сближению вместе со своим мужем Е. Ю. Пети, который хорошо говорил по-русски и любил русскую литературу. Это был даровитый и на редкость образованный человек, как и она сама. Софья Григорьевна и ее муж занимались также литературным трудом. Их дом в Париже (6 rue de l'Alboni, Paris 16) был культурным центром. Они имели широкие знакомства среди французских и русских писателей» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. II. С. 302—303).

⁴ См. прим. 5 к п. 2.

⁵ См.: *Ремизов А.* «Засни, моя деточка милая!» // *Вопросы жизни*. 1905. № 7. С. 50—51 (с посвящением: Наташе). Это стихотворение в прозе впоследствии открывало книгу Ремизова «Посолонь» (М., 1907).

⁶ Ср.: «Лето 1905 г. Шестов провел в Швейцарии. На обратном пути в Киев заехал в Висбаден (14. 09. 1905) повидать родителей, которые из-за болезни отца окончательно покинули Киев и поселились в Германии (...)» (*Баранова-Шестова Н. Жизнь Льва Шестова*. Т. I. С. 82; дата посещения Шестовым Висбадена дана по новому — западноевропейскому — стилю).

⁷ Судя по статье «От редакции» (*Вопросы жизни*. 1905. № 10/11. С. 395), руководители журнала еще осенью 1905 года не помышляли о его закрытии.

Киев 7/IX 1905 г.

Приехал в Киев и застал два твоих письма. Спасибо, брат — люблю я твои письма получать. А на этот раз ты еще польстил мне — язык похвалил. Это ведь моя слабость: страсть люблю, когда язык мой хвалят. Что, брат, поделаешь — в содержание собственных сочинений не верю — так, по крайней мере, хочется, чтоб форма нравилась. А меня на этот счет не балуют. Сколько было рецензий — никто ничего об языке не сказал, только Михайловский мимоходом похвалил.¹

Потом насчет «Русского Слова». Ты, разумеется, не пожалел тысяч — но я бы и дешевле взял, если бы дали. Устрой дело.² Я бы для начала написал о «Петре» Мережковского. Только чтобы действительно хорошо заплатили. Столько, сколько Мережковский получает, не дадут — он ведь европейская известность, но, если бы по четвертаку или тридцати копеек предложили, я бы уж постарался. Деньги нужны — за границей все спустил, что Д(митрий) Е(вгеньевич)³ отдал и еще где что было, ушло. А потом можно было бы о Розанове написать или о твоём «Пруде», когда выйдет.⁴

Только вперед говорю — «Пруд» не только хвалить, но и бранить буду. Не в таком роде, как Горький в письме.⁵ По мне, вовсе и не надо, чтоб от романа люди «вздрагивали» от ужаса и стыда. И еще меньше литература должна быть трибуной. Что у тебя всего этого нет — мне нравится. Но все-же есть и недостаток в твоём романе. Ты еще не справился с формой и потому выходит часто косолапо. Знаешь, как у породистых щенков бывает: огромные лапы, нелепая морда, хвост меж ног заплетается. Но порода видна. У тебя часто есть превосходные сравнения и образы — но совершенно ненужные. Точно ты бы последнюю вещь писал и боялся, что, если не используешь красок — они пропадут. У «молодых» это часто бывает. А на самом деле изобилие красок вредит: впечатление ослабевает и закрываются часто оригинальные приемы рассказывания. Когда выйдет роман, напишу, если будет где писать и, если ты примешь спокойно или, вернее, обещаешь принять равно спокойно и упреки и похвалы. Способен? Жду, впрочем, с интересом конца: что-то у тебя в заключении?

На Софью Григорьевну⁶ плоха надежда. Не любит она заниматься чужими делами и едва-ли станет хлопотать о переводе твоего романа. Да его ведь чертовски трудно перевести: где взять человека, который бы так хорошо знал по-русски и по-французски!

Вот тебе еще отзыв об тебе: «у Ремизова, должно быть, собственная скорбь о жизни» — это мимоходом в письме о тебе сказано. — Булгаков уже в Киеве — но я еще не видал. Сегодня пойду узнавать, что с «В(опросами) Жизни». Верно — кончатся в 1905 г(оду).

Поклонись Н(иколаю) А(лександровичу) и Лид(ии) Юд(ифовне),⁷ если вернулись.

А ты с С(ерафимой) П(авловной) все лето в Петербурге провели? Замучились?

Пиши почаще и передай привет Серафиме Павловне

Твой ЛШ

Можно тебе поручение дать? Мне следует из «Нашей Жизни» получить за фельетон. Передай им мой адрес и попроси их выслать поскорее деньги. Пусть уже заодно присоединят, что Бронштейну следует за его рецензию:⁸ я ему передам. Ему всего рубля 3 или 2 следует, но он бедный, то и 3 рубля для него деньги.

¹ Михайловский Николай Константинович (1842—1904) — социолог, публицист, литературный критик, идеолог народничества. В ранней молодости Шестов испытал несомненное воздействие «субъективного метода» Михайловского (см. об этом, например: *Ерофеев Вук*. «Остается одно: произвол» (Философия одиночества и литературно-эстетическое кредо Льва Шестова) // Вопросы литературы. 1975. № 10. С. 158). Е. Г. Лундберг в своих «Записках» сообщает: «В юности он (Шестов. — И. Д., А. Д.) был связан с народолюбцами. (...) Был момент, когда Н. К. Михайловский привлекал его к участию в своем журнале» (*Лундберге Е.* Записки писателя. Т. II. С. 75). Михайловский написал две статьи о книге Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше»: «Добро в учении гр. Толстого и Ф. Ницше г. Л. Шестова» (Русское богатство. 1900. № 2. С. 155—167) и «Лев Шестов о гр. Л. Н. Толстом» (Русское богатство. 1900. № 3. С. 117—126). В первой из них Михайловский, в частности, пишет: «Странная это книга. Интересно и красиво написанная (...)» (С. 155).

² Статьи Шестова в газете «Русское слово» (1901—1916) не публиковались. Ремизовские планы относительно этой газеты возникли, очевидно, после посещения (с рекомендательным письмом В. В. Розанова) заведующего ее петербургским отделением — А. В. Руманова (см.: *Ремизов А.* Встречи. С. 47, 59—61).

³ Д. Е. Жуковский.

⁴ Свой замысел написать о Розанове Шестов смог реализовать гораздо позже, уже в эмиграции (см.: *Шестов Л. В. В. Розанов* // Путь (Париж). 1930. № 22. С. 97—103). Работу о творчестве Ремизова Шестов так и не написал.

⁵ См.: прим. 12 к п. 11.

⁶ С. Г. Пети.

⁷ Н. А. и Л. Ю. Бердяевы.

⁸ См.: *Бронштейн Е. С.* Ан-ский (С. Раппопорт). — Рассказы. Том I—II. (Петербург. 1905 г. цена 1 р.) // *Наша жизнь*. 1905. 25 июня. № 8. С. 64; (Иллюстрированная и литературная неделя).

15

17 сеп(тября) 1905¹

В. В. Розанов написал о тебе фельетон: «Новые вкусы в философии»: «Нов(ое) Вре-мя» № 10612 от 17 сеп(тября).² Прочитаю и пришлю тебе вырезку.

А. Ремизов.

¹ Открытое письмо; на обороте в левом верхнем углу — печатный гриф:

ВОПРОСЫ ЖИЗНИ.
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
Спб. Саперный, 10.
Телефон, 3513.
Получено в Киеве 19.IX.1905.

² Имеется в виду статья Розанова «Новые вкусы в философии. Л. Шестов. Апофеоз беспоч-венности. Опыт адогматического мышления. С.-Петербург. 1905» (*Новое время*. 1905. 17 (30) септ. № 10612. С. 4).

(Продолжение в следующем номере)

ПРИЛОЖЕНИЕ

1

НОВЫЙ ЖУРНАЛ

(«ВОПРОСЫ ЖИЗНИ», ЯНВАРЬ И ФЕВРАЛЬ. 1905 г.)

С октября прошлого года в составе редакции журнала «Новый путь»¹ произошли крупные перемены. До того времени в нее входили исключительно лица, принадлежащие к так называемому «декадентскому» направлению нашей литературы: Мережковский, Розанов, Гиппиус. Соответственно тому были подобраны и сотрудники: Валерий Брюсов, Федор Соллогуб,² Вячеслав Иванов, Бальмонт, Минский³ и др. Правда, объединять всех названных писателей в одну группу можно только с большой натяжкой. Мережковский, в сущности, всегда писал за свой страх, Минский тоже был сам по себе, а Розанов так мало похож на кого бы то ни было, что его вообще рискованно присоединять к определенной группе. По-видимому, это сознавали и редакторы «Нового пути», в силу чего для него был создан особый отдел в журнале под названием «В своем углу». Там он писал, что хотел, принимая на себя одного всю ответственность за высказываемые мысли. Не было большого единогласия и между остальными сотрудниками, но все-таки совместная работа оказалась возможной в течение довольно долгого времени: журнал просуществовал в таком виде около двух лет, но в конце прошлого года редакция «Нового пути» вступила в союз с той группой писателей, которая со времени появления нашумевшего сборника «Проблемы идеализма»⁴ получила название «идеалистической». Представителями ее являются хорошо известные киевлянам С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев.⁵ «Новый путь» проявил этим актом большую и заслуживающую всяких похвал терпимость мысли. Но оказалось, что теория одно, а практика — другое: союз продержался всего три месяца. Не знаю, какая из сторон оказалась недостаточно сговорчивой, но к концу года в газетах появилось письмо, за подписью Д. В. Философова (бывшего редактора «Нового пути»),⁶ С. Н. Булгакова и Н. А. Бердяева, из которого

публика узнала, что «Новый путь» закрывается, а идеалисты основывают свой собственный орган. Вероятнее, что несговорчивость проявили идеалисты.⁷ Уже первый номер обновленного «Нового пути» показал, что идеалисты стремятся к единовластию. Так, отдел В. В. Розанова — «В своем углу» — исчез и с тех пор больше не появлялся, несмотря на то, что устами новых сотрудников журнала за этим писателем признавалось большое литературное дарование. Бердяев называет его «самым интересным, даровитым и значительным писателем нашего времени», Волжский⁸ слагает ему хвалебные гимны на протяжении десятков страниц.⁹ И все-таки Розанов был устранил из «Нового пути» и не появляется в «Вопросах жизни». Ясно, что причина тут общественно-политического характера: Розанов сотрудничает в «Новом времени»¹⁰ и пока он считается членом этого парламента, о его праве на участие в журнале, редактируемом идеалистами, не может быть и речи. На этом примере сразу видно, какого рода изменения стали вводить в журнал вновь привлеченные соредакторы. «Новый путь» был совершенно равнодушен к общественно-политическим вопросам. Он давал обстоятельнейшие отчеты о религиозно-философских собраниях,¹¹ но не завел себе внутреннего обозревателя, а отдел иностранной политики поручил Валерию Брюсову. С приходом идеалистов завелись другие порядки. В каждой книжке журнала есть и внутреннее, и иностранное обозрение, и статьи по финансовым, экономическим и политическим вопросам. И сотрудники все такие, которые в прежние времена не знали и дороги в «Новый путь»: Водовоз¹² из «Нашей жизни»,¹³ Г. Штильман¹⁴ из «Сына Отечества»¹⁵ и т. д. Мало того, сами редактора, Бердяев и Булгаков в своих статьях постоянно касаются общественно-политических вопросов, в общем уделяя им не меньше, а то и больше внимания, чем вопросам религиозно-философским. Я особенно подчеркиваю это обстоятельство ввиду того, что в русском обществе укоренилось мнение, будто бы интерес к философии и особенно религии исключает возможность общественно-политических интересов. Это безусловное заблуждение. Правда, бывает иной раз так, что человек, погружившийся в мировые проблемы, совершенно отрывается от земли. Но возводить это в правило нет никакого основания и, сверх того, никакой надобности. К примеру, хотя бы Владимир Соловьев. Как известно, «Вестник Европы», журнал в высшей степени трезвый, позитивный и меньше всего расположенный к метафизическим изысканиям, печатал все, что писал Соловьев, единственно из уважения к той общественно-политической роли, которую в свое время играл покойный философ.¹⁶ Теперь примером и доказательством того же могут служить идеалисты, насколько они успели проявить себя в вышедших книжках журнала.

К сожалению, в своих первых, программных статьях они сделали большой промах, хотя и чисто внешнего, формального характера. Отыскивая слово для обозначения своего общественно-политического направления, они остановились на слове либерализм. И остановились очень неудачно. Правда, если судить о нем по его этимологическому значению, то это слово хоть куда, и, пожалуй, как нельзя более соответствует настоящей минуте. Но так никто не судит. С понятием о либерализме ассоциируется столетний, обветшалый и заплесневевший «Вестник Европы», а иногда даже и само «Новое время». Ведь в конце концов Суворин¹⁷ в своем роде либерально настроен! Так что, вместо того, чтобы одним словом определить себя, журнал только скрыл свое истинное направление. Потребовались длинные объяснения, которые оказались бы совершенно излишними, если бы обновленному «Новому пути» не вздумалось вытаскивать на свет Божий износившееся слово. Любопытно, что для обозначения своего философского направления журнал тоже подобрал в высшей степени неопределенное и потому ничего не говорящее и требующее пространных объяснений слово: идеализм.

Чего только нельзя назвать идеализмом! В обыкновенном разговорном языке идеалист — это хороший человек, больше дорожающий своим добрым именем, чем всем другим житейским благом. В том же разговорном словоупотреблении — идеалист это близорукий, но простодушный оптимист, всегда верующий в осуществление несбыточных надежд. На философском языке значение этого слова еще менее определено: и Платон, и Беркелей,¹⁸ и Кант были идеалистами, и каждый на свой лад. Вообще, если хочешь определенности, нужно избегать старых, долго бывших в употреблении слов. Булгаков же и Бердяев поступали наоборот,

и это породило немало недоразумений. Их политическая программа чрезвычайно определена и ясна: внимательный читатель сразу видит, что она имеет мало общего с русским и западноевропейским либерализмом, выражающим собой политическое credo буржуазии. Бердяев прямо говорит: «...нас вдохновляет сейчас не определенный общественный и государственный строй, исторически ограниченный и, в действительности, буржуазный, а неотъемлемые права личности, составляющие абсолютные сверхклассовые и сверхисторические блага. И мы горячо отстаиваем единство нашего общественного движения, думаем, что самые глубокие социальные борозды не могут разрушить этого единства пред общей задачей. Не думаю, чтобы этому объективному единству могло соответствовать единство субъективное, нет, это было бы утопическою мечтою, но сознательное историческое сотрудничество во всяком случае возможно и оно должно быть, так как жизнь сильнее доктрин. Это одна сторона вопроса, которая и вызывает разговоры о нашем „предательстве“. Но есть и другая сторона. Мы ни на одну секунду не забываем, что предательство действительно может быть и им чреватые прогрессивные сейчас общественные силы. Сегодняшние наши союзники завтра будут нашими врагами. Мы знаем, на чью сторону должны стать, и не изменили тем заветам, которых держались в эпоху нашего марксизма».* Из приведенных слов видно, что «эволюция» философского мировоззрения Бердяева несколько не коснулась его специально-политических убеждений. Освободившись от теоретического материализма Маркса, он целиком сохранил его практическую программу. То же, и с еще большим правом, мы можем сказать и про Булгакова. В его лице — говорю это без малейшего колебания — мы имеем крупнейшее литературно-политическое дарование нашего времени, и я решительно ничем не могу объяснить себе того странного обстоятельства, что до сих пор его талант не нашел себе заслуженной оценки.¹⁹ Вспомните хотя бы его предисловие к книге «От марксизма к идеализму».²⁰ Оно написано было еще тогда, когда наша печать говорила только нерешительными намеками и условным эзоповским языком — и в ту пору всеобщего молчания, Булгаков, не считаясь с условиями режима покойного В. К. Плеве,²¹ в самых смелых выражениях высказал не только программу упований, но и программу действий для русского общества — программу, осуществлению которой посвящают теперь лучшие русские люди все свои силы. Тогда та статья прошла почему-то незамеченной — может быть потому, что о ней нельзя было говорить, что ее нельзя было даже цитировать. В последней (февральской) книжке «Вопросов жизни» снова появилась его страстная, смелая и красноречивая статья, заключительные строки которой исполнены такого искреннего и захватывающего пафоса, что они положительно могли бы служить лозунгом для нашей интеллигенции.²²

Я мог бы привести много цитат и примеров из статей «Вопросов жизни», из которых читатель убедился бы, что новый журнал вполне понимает нужды исторической минуты и стоит на высоте современной задачи. Но в газетной статье нужно рассчитывать строчки, а мне предстоит еще говорить о философской программе «Вопросов жизни». Укажу только на статьи В. В. Водовозова, Г. Штильмана, Яснопольского и др. В них, по разным частным поводам, развиваются идеи, выраженные в программных статьях Булгакова и Бердяева. Правда, иной раз и теперь книжки выходят без внутреннего обозрения или другого соответствующего отдела. Но такова уже судьба русских изданий. По «независящим обстоятельствам» нашим читателям сплошь и рядом приходится вместо длинной статьи довольствоваться коротеньким аншлагом. Когда-то и того не было: статьи не появлялись и даже никто не знал, что они были написаны!

Если в общественно-политических вопросах журнал представляет собой пример полного единомыслия, то нельзя утверждать того же относительно философской его программы. И это в порядке вещей. Философия не имеет и не может иметь строго определенной программы. Единственный наш философский журнал — «Вопросы философии и психологии»²³ с самого начала своего существования заявил, что будет печатать на своих страницах статьи всевозможных направлений. И это не потому только, что у нас в России мало

* «Новый путь», ноябрь, 1904 года, страница 373.

философских сил и не из чего отбирать, а потому, что философия — не знаю уже, как сказать — такая счастливая или несчастная наука, что в ней дальше «искания» не идут. Чем образованнее и вдумчивее философ, тем более склонен он к самой широкой терпимости. Он знает, что последняя истина, до сих пор, по крайней мере, находилась за пределами поля зрения смертного. Стало быть, он хоть и добывает себе убеждения, но знает, что они не могут претендовать на обязательное значение. В «Вопросах жизни» это понимают, и потому там задачи философии намечаются в довольно общих чертах. Правда, мы там находим кой-какие указания, свидетельствующие о том, что журнал все же не имеет намерения давать у себя приют представителям *всех* философских направлений. Ограничение мы усматриваем в словах Булгакова, который довольно категорически заявляет, что, по его мнению, «философия есть идеалистическая философия». Прав он или не прав, я нахожу это утверждение преждевременным, не говоря уже о том, что оно грешит большой неопределенностью. Что такое идеалистическая философия? Если даже не придирается к словам (хотя в данном случае это было бы позволительно, ибо теоретическая философия требует точности в терминологии) и под идеалистической философией разумеет все направления, борющиеся с позитивизмом, то и тогда нельзя найти оправдания поставленному Булгаковым ограничению. Ибо, разве можно сказать с уверенностью, что позитивизм уже побежден, что он когда-нибудь будет окончательно уничтожен? Человек может быть, в силу личных вкусов и склонностей, метафизиком, даже мистиком — но чем больше он тяготеет к потусторонним областям, тем сильнее он должен чувствовать на себе связующую тяжесть земных оков, т. е. позитивизма. Отмахиваться, открещиваться от тяжести нельзя: ее нужно поднять и сбросить с себя.²⁴ Поэтому философский журнал, искренно стремящийся к разгадке мировых проблем, должен быть особенно внимательным к позитивизму и в этом отношении брать пример не с немецких профессоров, а с великих русских художников. Пушкин, Гоголь, Толстой, Достоевский, Чехов считались с позитивизмом и, благодаря этому, им удалось создать собственную школу, которую в настоящее время не стыдятся проходить даже наши бывшие учителя. Желательно было бы, чтобы заветы наших великих художников перешли и в философию, чтобы философия не ограничивала вперед своего поля зрения точкой зрения «идеального». Кто знает наверное, где истина и как она добывается? Всякий добросовестно, искренно и смело ищущий человек, к какому бы направлению он ни принадлежал, должен быть желанным гостем в философском журнале. Поэтому, выражая сожаление по поводу некоторых ограничений, допущенных идеалистами, мы приветствуем их все же широкую и составленную в духе терпимости программу. Хорошо даже и то, что основатели журнала, Булгаков и Бердяев, не могут быть названы единомышленниками в том смысле, который обыкновенно придается этому слову. В сущности оба эти писателя, как по своему характеру, так и по поставляемым себе задачам очень не походят друг на друга. Булгаков прежде всего проповедник, а стало быть и моралист. Ему кажется, что он путем интуиции, откровения познал истину и что теперь ему только остается приобщить к этой истине других. Поэтому в его душе живет некоторос инстинктивное отвращение, я бы даже сказал страх перед исследованием, исканиями — ведь всякое искание грозит разрушить сложившееся убеждение, поколебать прочную веру. А без веры нельзя учить людей. Булгаков, несмотря на проделанную им эволюцию от марксизма к идеализму, в сущности проявил большую душевную устойчивость. Если присмотреться ближе, он был идеалистом уже в то время, когда причислил себя к марксистам. Он марксистские слова произносил тем же тоном, каким сейчас произносит идеалистические.²⁵ И с другой стороны, в настоящее время, когда он в своих суждениях пытается пробраться в мистические, недоступные разуму области, он не утратил доверия к логике и ищет доказательств. Это понятно: доказательства есть средство убеждения и средство сильное, которым пренебрегать проповедник ни в коем случае не может. Далее, при всех своих странствованиях по разным теориям, Булгаков не растратил своего нравственного багажа. Теперь, в качестве идеалиста, он продолжает любить и ненавидеть, что любил и ненавидел, когда был марксистом — не считая только теоретического материализма. Словом, Булгаков

натура устойчивая, консервативная, пуританская, боящаяся и избегающая кризисов и перемен, ищущая опоры в постоянном разуме, а не в изменчивом опыте, этим определяется и характер его философии. Нельзя, однако, сказать того же о Бердяеве. Его «эволюция» была не только кажущейся. Если угодно, то даже наоборот: он гораздо больше эволюционировал, чем это заметно при поверхностном чтении его статей. По-видимому, он искусственно сдерживает себя, недоговаривает, словно боясь сказать больше, чем нужно. Когда читаешь его, кажется, что он говорит не то, что думает сейчас, а что думал раньше. Поэтому, переворачивая страницы его статей, все ждешь неожиданностей, сюрпризов. Все кажется, что вот-вот он заявит: «Я уже давно ушел с той точки зрения, которой держался тогда-то» (его собственные слова в «Проблемах идеализма»). Ввиду ясно осознаваемого им непостоянства своих убеждений, он мало заботится о том, чтобы придать единство своим суждениям, и логические противоречия, одинаково ясные и для него, и для других, пестрят в его произведениях. Небрежной рукой он их иногда сглаживает, но не имеет терпения и охоты слишком долго останавливаться на этом скучном занятии. Ему все равно, согласятся с ним или не согласятся, он никогда ничего не доказывает, всегда декретировать, по-видимому, вполне разделяя мнение Шопенгауэра, что доказательства нужны только тому, кто хочет спорить...²⁶ И, затем, как мало литературные вкусы Бердяева напоминают Булгакова. Булгаков всегда вспоминает о Вл. Соловьеве и, по-видимому, считает одной из своих главных задач распространение учения покойного философа. Бердяев любит и часто цитирует Нитше,²⁷ Метерлинка, Бодлера, Верлена — даже В. В. Розанова, как уже было указано. Булгаков склонен к теологической, церковной терминологии. Бердяев остается при светском философском словаре, пугающем большую публику обилием малоизвестных иностранных слов. В общем, участие двух, столь мало похожих друг на друга, людей значительно расширяет программу издания. В «Вопросах жизни» светская и духовная философия будут иметь (и уже имеют) своих представителей. На страницах нового журнала читатель встретит и веру, и сомнение. Уже сейчас вышедшие пять книг (три «Нового пути» и две «Вопросов жизни») представляют из себя довольно разнообразный и любопытный материал и будут, верно, оценены читателем, ищущим в книгах не готовых убеждений, а пищи для размышления. Сотрудники свободно излагают свои взгляды: видно, что над ними не тяготеет докучливая, сглаживающая индивидуальные различия редакторская рука. Ясно, например, что Булгаков не разделяет суждений Волжского о мистическом пантеизме Розанова, и тем не менее статья печатается. Правда, вполне одобряя представляемую редакцией сотрудникам свободу, в частности, по поводу Волжского может быть уместно было бы выразить желание редакционного вмешательства, которое могло бы быть очень полезным для молодого писателя.

У Волжского есть один большой недостаток: склонность к многословию. Его статьи можно было бы сократить наполовину — и они оттого бы только выиграли, и *много* выиграли. И тут редактор мог бы выступить в законной роли литературного воспитателя молодого поколения. Нет необходимости принуждать, действовать ножницами. В таких случаях достаточно бывает дружеского совета.²⁸

Из других статей укажем на статью С. Аскольдова «О романтизме».²⁹ Романтизм Аскольдов понимает в смысле стремления к мистическому познанию. Можно, конечно, не соглашаться с ним в определении — мне лично кажется, что лучше было бы не вливать в старые мехи нового вина — но это не важно. Интерес статьи в том, что автору удалось мистический материал обработать по всем правилам современной научной методологии. Это — загадка. А priori, казалось бы, что в области мистицизма и методы должны бы быть своеобразны. Но Аскольдов ни на минуту не забывает логики Милля.³⁰ И, вообще нужно сказать, что тенденция нового журнала — по возможности не разрываться со старыми приемами исследования. Она сказалась с полной силой даже в письме князя Трубецкого.³¹ Удастся ли идеалистам в будущем сохранить занятую позицию — сказать не берусь. Да и чего загадывать? Пусть делают свое дело, а там — видно будет.

Беллетристика в новом журнале поставлена не хуже, чем в других ежемесячниках. Кончается печатаньем большой исторический роман Мережковского³² (новые подписчики

получат в виде приложения весь роман в издании Пирожкова³³), — говорить о котором я не буду, ввиду того, что автор достаточно известен читающей публике, помещаются небольшие рассказы молодых писателей, часто носящие на себе печать несомненного таланта.

Л. Шестов

Примечания

Впервые: Киевские отклики. 1905. 11(24) апр. № 101. С. 3.

¹ «Новый путь» — литературный и религиозно-философский журнал, выходивший в Петербурге с конца 1902-го по 1904 год под редакцией Д. С. Мережковского, З. Н. Гиппиус и П. П. Перцова (редактор-издатель). Подробнее см.: *Максимов Д.* «Новый путь» // *Евгеньев-Максимов В., Максимов Д.* Из прошлого русской журналистики. Л., 1930. С. 129—254; *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века.* 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 179—228.

² Характерное для Шестова написание псевдонима Ф. К. Тетерникова — Сологуб.

³ Минский (наст. фамилия Виленкин) Николай Максимович (1855—1937) — поэт, публицист и философ; в 1884 году выступил с первой в России «декадентской» программой.

⁴ Имеется в виду сборник «Проблемы идеализма», вышедший в Москве в 1902 году под редакцией П. И. Новгородцева. В него вошли статьи С. Н. Булгакова, кн. Е. Н. Трубецкого, П. Г., Н. А. Бердяева, С. Л. Франка, С. А. Аскольдова, кн. С. Н. Трубецкого, П. И. Новгородцева, Б. А. Кистяковского, А. С. Лаппо-Данилевского, С. Ф. Ольденбурга, Д. Е. Жуковского.

⁵ Н. А. Бердяев — уроженец Киева, здесь началась его активная общественно-политическая деятельность. С. Н. Булгаков в 1901—1908 годах жил и работал в Киеве, был профессором Киевского Политехнического института и приват-доцентом Киевского университета.

⁶ Философов Дмитрий Владимирович (1872—1940) — публицист и художественный критик, ближайший друг и единомышленник Мережковских; в 1904 году сменил П. П. Перцова на посту редактора «Нового пути».

См. об этом: *Максимов Д.* Указ. соч. С. 161—162.

⁸ Религиозно-философские собрания — официально санкционированные встречи представителей православной церкви и новой — «декадентской» — интеллигенции (Мережковские, Розанов, Минский, Перцов, Философов и др.) в 1901—1903 годах в Петербурге. Протоколы заседаний печатались в «Новом пути», а в 1906 году вышли отдельным изданием.

⁹ Волжский (наст. фамилия Глинка) Александр Сергеевич (1878—1940) — философ, публицист, литературный критик.

¹⁰ Имеется в виду обширное исследование Волжского «Мистический пантеизм В. В. Розанова» (Новый путь. 1904. № 12. С. 28—67; Вопросы жизни. 1905. № 1. С. 191—216, № 2. С. 171—192, № 3. С. 146—168).

¹¹ «Новое время» — ежедневная газета ультраконсервативного направления, выходила в Петербурге с 1868-го по 1917 год.

¹² Водовозов Василий Васильевич (1864—1933) — экономист, участник революционного движения, сотрудник радикальной демократической печати, неоднократно подвергался репрессиям при царизме; в эмиграции покончил с собой.

¹³ «Наша жизнь» — ежедневная общественно-политическая, литературная и экономическая газета, выходила в Петербурге в 1904—1906 годах, по своей политической ориентации близка левому крылу партии кадетов. Издатель: Л. В. Ходский. В 1906 году В. В. Водовозов был одним из редакторов этой газеты.

¹⁴ Штильман Григорий Николаевич (1875—?) — юрист, публицист демократического направления.

¹⁵ «Сын Отечества» — политическая, ученая и литературная газета, выходила в Петербурге в 1892—1900 и 1905 годах, орган либерально-демократического направления.

¹⁶ Подробнее о взаимоотношениях В. С. Соловьева с редакцией либерально-демократического ежемесячника «Вестник Европы» см.: *Никитина М. А.* «Вестник Европы» // *Литературный процесс и русская журналистика конца XIX — начала XX века.* С. 13—21.

¹⁷ Суворин Алексей Сергеевич (1834—1912) — журналист, издатель сочинений русских и иностранных писателей, адресных книг и т. д.; с 1876 года издавал газету «Новое время».

¹⁸ Подразумевается Джордж Беркли (1685—1753) — английский философ, представитель субъективного идеализма.

¹⁹ Ср. в письме к Ремизову, датируемому маем 1905 года: «Мою статью о „В(опросах) Ж(изни)“ Вы чересчур глубоко поняли. (...) Но, на самом деле, я не враг политики. Знаю, что политическая свобода ничего не разрешит. Но, если б я сидел в тюрьме — я бы только и мечтал о воле, хотя тоже хорошо знаю, что и на воле руки связаны. Я серьезно хвалил Булгакова за политические статьи. Если бы умел писать так, как он, ей Богу, только и писал бы о политике. Но не умею и

противно как-то пером бороться за свободу — это идиосинкразия у меня. Пробовал было — два месяца статью обдумывал, и ничего не вышло» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240).

²⁰ См.: Булгаков С. От автора // Булгаков С. От марксизма к идеализму. СПб., 1903. С. V—XXI.

²¹ Плевне Вячеслав Константинович (1846—1904) — министр внутренних дел и шеф жандармов в 1902—1904 годах.

²² В февральской книжке журнала опубликованы три статьи Булгакова. Вероятнее всего, речь идет о его статье «Без плана: 1. „Вопросы жизни“ и вопросы жизни...» (Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 347—361).

²³ «Вопросы философии и психологии» — философский журнал, издавался в 1889—1918 годах при Психологическом обществе в Москве.

²⁴ Суждение, чрезвычайно характерное для Шест за. Ср., например: Шестов Л. И. Неопровержимость материализма (из книги «Власть ключей») // На переломе. Философские дискуссии 20-х годов. М., 1990. С. 150—151.

²⁵ Ср. близкое рассуждение в письме к Ремизову от 25 апреля 1906 года: «Вот Мережковский сколько лет уже упражняется, а ведь до сих пор не выучился даже слово Христос произносить как следует. (...) один Булгаков недурно произносит это слово. (...) И знаешь, отчего Булгаков лучше других? (...) Оттого, что Б(улгаков) произносит слово Христос тем же тоном, каким когда-то произносил „Карл Маркс“. Понял?» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240). Ср. также близкий по смыслу пассаж в статье Шестова «Похвала Глупости. (По поводу книги Николая Бердяева «Sub specie aeternitatis»)» (Шестов Л. Собр. соч. СПб., 1911. Т. 5. С. 97—98).

²⁶ Ср. характеристику эволюции Бердяева в статье «Похвала Глупости» (Шестов Л. Собр. соч. Т. 5. С. 93—123).

²⁷ Типичное для Шестова написание имени Фр. Ницше.

²⁸ Весной 1905 года Шестов просил Ремизова: «Волжскому скажите, что он напрасно обиделся. Быть молодым писателем вовсе не так уж плохо, а очень хорошо, лучше, чем старым. Я, как вспоминаю, что у меня 4 книжки написаны — прямо в отчаяние прихожу. И вообще написал о Волжском не из злобы, а для его же пользы. От многословия легко, при желании, отделаться» (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240).

²⁹ Аскольдов (наст. фамилия Алексеев) Сергей Алексеевич (1871—1945) — философ-идеалист, литературовед, публицист. Речь идет о его статье «О романтизме» (Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 20—51).

³⁰ Милль Джон Стюарт (1806—1873) — английский философ, экономист и общественный деятель; основоположник английского позитивизма. Шестов высоко оценивал книгу Милля «Опыты о религии» и в письме от 22 января 1906 года предлагал Ремизову перевести ее на русский язык (ГПБ. Ф. 634. Оп. 1. Ед. хр. 240).

³¹ Имеется в виду «Открытое письмо С. Н. Булгакову» кн. Е. Трубецкого. См.: Кн. Трубецкой Е. Памяти В. С. Соловьева. Открытое письмо С. Н. Булгакову // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 386—390.

³² Речь идет о романе Д. С. Мережковского «Петр и Алексей», публиковавшемся в журналах «Новый путь» (1904. № 1—5, 9—12) и «Вопросы жизни» (1905. № 1—3).

³³ Пирожков Михаил Васильевич (1867—1926 или 1927) — книгоиздатель, владелец «Издательства М. В. Пирожкова». В 1907 году в этом издательстве вышло в свет третье издание сочинения Шестова «Добро в учении гр. Толстого и Фр. Ницше. Философия и проповедь».

2

ЛИТЕРАТУРНЫЙ СЕЦЕССИОН

(«Вопросы Жизни», январь—июнь)

Новый журнал «Вопросы Жизни» является далеко не первой попыткой русского литературного сецессииона.

Еще в конце 80-х годов «Северный Вестник»,¹ под редакцией тогда еще молодого писателя А. Л. Вольтинского, рискнул выступить против упрочившихся у нас позитивно-материалистических традиций.*

Но опыт Вольтинского потерпел, как известно, полное крушение. Никто почти ни из публики, ни из представителей литературы не хотел принимать серьезно статей Вольтинского и его товарищей по изданию. Их сначала высмеивали, потом, когда надоело высмеивать, стали замалчивать. «Северный Вестник» закрылся, но начатая им борьба не окончилась.

* О Вл. Соловьеве² я не упоминаю, т(ак) к(ак) он никогда не стоял во главе периодического издания.

Самому Волынскому, правда, не удалось реабилитировать себя в глазах публики. Спросите любого читателя: всякий, не колеблясь, вам скажет, что Волынский — реакционер и декадент, стало быть, с ним нечего и считаться, нечего даже в его книги заглядывать.

Эта легенда о Волынском прочно держится, несмотря на то, что она лишена всякого основания. Но такова судьба первых пионеров: хорошо ли, плохо ли делают они свое дело, им на долю, кроме трудностей и опасностей, связанных со всякого рода начинаниями, не достается ничего.

Товарищи Волынского по «Сев(ерному) Вестнику» были много счастливее его. Их тоже высмеивали и замалчивали, но все же им, хотя не скоро, удалось пробиться.

Орган марксистов «Начало»³ не побоялся принять сотрудничество Мережковского, Гиппиус,⁴ Минского,⁵ Венгеровой.⁶ «Начало» было скоро закрыто по распоряжению министров, но вслед за ним открылся художественно-литературный журнал «Мир Искусства»,⁷ где нашли себе приют все представители нового направления, кроме Волынского. Потом новое направление почувствовало себя настолько окрепшим, что во второй раз рискнуло открыть собственный журнал «Новый Путь».⁸ Два года просуществовало это издание и прекратилось без вмешательства министров. Та же участь постигла и «Мир Искусства». Общество, большая читающая публика, отнеслось недостаточно внимательно к новому направлению...

И вот только-что прекратил свое существование «Новый Путь», как на смену ему являются «Вопросы Жизни»,⁹ поставившие себе, как видно из вышедших книг, задачей вновь объединить рассеянные силы наших литературных новаторов. Правда, в Москве издается небольшой журнал «Весь»,¹⁰ тоже в своем роде сецессион. Но программа журнала очень узка: там печатаются лишь небольшие литературно-критические и философские статьи, и затем рецензии на новые книги. Так что, в сущности, единственным представителем новых течений в русской литературе являются теперь «Вопросы Жизни». От своих предшественников он отличается прежде всего тем, что завел у себя превосходный поставленный общественно-политический отдел. В «Северн(ом) Вестнике» тоже был общественно-политический отдел, но он велся, по признанию самого Волынского, неумело: журналу не удалось подобрать себе соответствующих сотрудников. В «Мире Искусства» о политике никогда не говорилось, в «Н(овом) Пути» если говорилось, то *ex officio*.¹¹ Публика этого не понимала. Она привыкла думать, что философия есть только путь к политике. Если у нас и был спрос на «мировоззрения», то, главным образом, ввиду чисто практических нужд, а единственным нашим практическим вопросом был вопрос социально-политический — еще со времен Белинского, но в особенности после Чернышевского, Добролюбова и Писарева,¹² которые умели распространить в широких слоях общества непримиримую ненависть к бюрократическому, как теперь принято говорить, режиму и поставили впереди всего цели политического освобождения России. Одна из причин неудачи Волынского была в том, что он не проявил достаточно активно свои политические идеалы. Выпуская статью за статьей, он почти совсем не касался вопросов, наиболее волновавших общество. Разбирая Белинского, Добролюбова, Чернышевского, Писарева, он проверял справедливость их философских обобщений и литературно-критических приговоров.¹³ Русский читатель и сам уже давно догадался, что Пушкин вовсе не так бездарен, как это выходило у Писарева, но Писарев был лозунгом оппозиции, и кто это имя произносил без достаточного благоговения, тот этим самым дискредитировал себя. Индифферентизм «Нового Пути» и «Мира Искусства» тоже был истолкован в смысле политического реакционерства. Теперь уже выяснилось, что ни «Сев(ерный) В(естник)», ни «Мир Искусства», ни «Нов(ый) Путь» ничего общего не имеют ни с «Московскими Вед(омостями)»,¹⁴ ни с «Гражданином».¹⁵ Уже то обстоятельство, что почти все бывшие сотрудники названных изданий примкнули к «Вопросам Жизни», достаточно это доказывает. Политический отдел «В(опросов) Жизни», представляемый В. Водозовым,¹⁶ Штильманом,¹⁷ Голубевым,¹⁸ Яснопольским,¹⁹ затем самими основателями журнала Булгаковым и отчасти Бердяевым,²⁰ ничего не оставляет желать в смысле энергии и определенности основных идей. Булгаков пишет: «Таким образом, повсюду, во всех сферах русской жизни мы наталкиваемся на одно и то же, и, как Катон,²¹ все свои речи и все свои помыслы мы должны заключать одним: *praeterea censeo delendam esse Carthaginem*.²²

Мы должны стать (да, в сущности, и стали уже) маньяками политического освобождения. Одну мысль, одну мечту, одну тоску, одну клятву должны мы носить с собой всегда и всюду, ночью и днем, на работе и на отдыхе. Одно мы должны твердить, кстати и некстати, с поводом и без повода, тактично и бестактно, твердить, твердить, твердить — пока жизнь не уступит нам. *Delenda est Carthago!*.²³ Под этими прекрасными словами не откажется подписаться никто из русских людей, кто умеет глядеть в будущее и кому дороги интересы родной страны. Все политические статьи журнала написаны в таком направлении и составляются большею частью интересно, обстоятельно, талантливо. В этом отношении журнал, правда, не отличается от других своих собратьев. С тех пор, как присмирела цензура, все писатели стали талантливей. Но у «Вопросов Жизни» есть и своя область, впервые ими использованная. До сих пор русские журналы уделяли очень мало внимания жизни и деятельности духовенства, словно русский народ не знает и не нуждается в религии. Можно самому держаться каких угодно воззрений, но это, ведь, никоим образом не значит, что дозволяется игнорировать религиозные запросы народа. Правда, для наших публицистов есть оправдание: до сих пор нельзя было сказать о духовенстве ни одного слова свободно. Если бы при Плеве какой-нибудь журнал напечатал такую статью, как «религиозная хроника» Уральского²⁴ («Вопросы Ж(изни)», март) и Булгакова («В(опросы) Ж(изни)», апрель), или «Теперь или никогда» Мережковского,²⁵ он бы этим подписал себе смертный приговор — да и авторам не поздоровилось бы. Важно, что Уральский, Мережковский и Булгаков — все люди, которых никто не заподозрит в принципиальной вражде к православию. Я не возьму на себя смелость утверждать, что они истинно православные — в особенности относительно Мережковского и Булгакова, может быть, им не удалось даже стать верующими христианами: еще не так давно первый в качестве нищезанца, второй в качестве марксиста, держались совсем иной ортодоксальности. Но несомненно, что оба они очень искренние люди и, если еще не веруют, то всей душой желали бы уверовать. И главным камнем преткновения для сближения с церковью для них теперь, как некогда для Толстого, является чудовищно ненормальное положение русского духовенства. Возмущенный Булгаков говорит: «На одной из главных площадей Киева находится старинный Михайловский монастырь. Его золотые главы увенчиваются крестами, но над крестом главного купола висится еще золотой двуглавый орел. Двуглавый орел — и не *под* крестом, а *над* крестом, — таков наивно-кошунственный символ, бесхитростно выражающий действительное положение церкви в России, молчаливо повествующий о той трагедии, которой является наша духовная история».²⁶ И Булгаков, и Мережковский повторяют слова Достоевского: «Русская церковь в параличе с Петра Великого».²⁷ Духовенства у нас нет, а есть чиновники духовного ведомства, всегда готовые, по требованию начальства, принять на себя отвратительную и низкую роль доносчиков и сыщиков. У нас насильственно принуждают исповедывать государственную религию даже тех людей, которые по убеждению принадлежат к другой вере, и от священников требуют, чтобы они принимали участие в этом насилии. Священники, в том числе представители высшей иерархии, не возмущаются предъявляемыми к ним требованиями, часто исполняют их с большим усердием. Много на эту тему рассказывают Уральский, Мережковский и Булгаков — интересующихся отсылаю к их превосходным статьям. Давно уже пора обратить внимание на эту сторону нашей жизни — но теперь в особенности важно не забыть о ней. Дело идет о том, чтобы обновить Россию — и обновленная Россия не должна оставить у себя священников-чиновников. Было бы чрезвычайно важно, чтобы «Вопросы Жизни» получили возможно большее распространение среди высшего и низшего духовенства. Проникнутые большой искренностью, статьи этого журнала могли бы многому научить тех, которые еще не потеряли способности и желания учиться...

От общественно-политических задач журнала перейдем к религиозно-философским идеям его. На первом плане должны, разумеется, стоять основатели «Воп(осов) Жизни» — Булгаков и Бердяев.

С тех пор, как вышел известный сборник, в свое время наделавший так много шума — «Проблемы идеализма» — принято говорить «Булгаков и Бердяев». Но это возможно только потому, что «и» — очень дерзкий союз, не стесняющийся подчас соединять даже несо-

единимое. На деле Булгаков — сам по себе, Бердяев — сам по себе. Прежде, когда они оба выступали под флагом идеализма, можно было бы говорить об их внешнем сходстве.

Но, с течением времени, как Булгаков, так и Бердяев почувствовали всю стеснительность внешне-формальных определений и ярлыков. Бердяев уже слово «идеализм» произносит с насмешкой, Булгаков по возможности избегает его, так что если спросить, что же меж ними общего, то придется сказать, что ничего, либо почти ничего: в одном журнале пишут. Я говорю это отнюдь не затем, чтобы упрекать их. По моему мнению, сотрудничать в одном журнале, даже издавать один журнал могут люди радикально противоположных философских воззрений. Строго выдержанное направление имеет смысл только в чисто политических журналах, которые видят свои задачи в борьбе за известные идеи, а не в исследовании и изыскании. Для философии же существует только один закон: свободное творчество. В философском журнале всякий, кто умеет смело, сильно и по-своему думать — желанный гость. В этом смысле «Вопросы Жизни» почти удовлетворяют самым идеальным требованиям. Но, к сожалению, только почти. Им, действительно, удалось уже собрать у себя всех тех писателей, которые настолько отклонились от господствующих у нас направлений, что не могут печататься ни в одном из старых журналов. Но среди встречающихся в «В(опросах) Жизни» авторов я не вижу имен В. В. Розанова и А. Л. Волынского и дивлюсь этому тем более, что заслуги обоих этих писателей признаются сотрудниками журнала.²⁸ Волжский поместил большую и интересную работу о Розанове,²⁹ Бердяев называет его крупнейшим русским писателем. Имя Волынского упоминается с уважением в статьях Бердяева.³⁰

Теперь вернемся к Булгакову и Бердяеву. По своим философским тенденциям, как я сказал уже, они мало похожи друг на друга. Но есть у них одна любопытная общая черта: оба склонны к «эволюции». Позволю даже себе думать, что это не их личная особенность, что тут сказывается дух времени. Прежде, бывало, писатель выступал на литературное поприще совершенно законченным человеком; хотя бы он начинал в 20 лет и потом писал пол столетия, он обыкновенно считал себя обязанным держаться под старость тех же мнений, которые он высказывал в ранней молодости. Писателю нужно было не столько думать и искать, сколько проповедывать. Поэтому считалось величайшим позором отречься от своих убеждений. И когда на протяжении нескольких лет Бердяев и Булгаков на глазах у всех проделали эволюцию от марксизма к идеализму и затем от идеализма к тем новым направлениям, которых они держатся теперь и для которых они еще не подыскали настоящих слов, все были чрезвычайно поражены и поражены неприятно. Разве можно так менять убеждения? Впечатление было тем более сильное, что в лице Бердяева и Булгакова мы имеем людей, несомненно, очень искренних, а вместе с тем, очень даровитых и серьезных. Сначала ответом на их быструю эволюцию было резко выраженное негодование, но потом присмотрелись, притерпелись и, как мне кажется, стали относиться к молодым писателям спокойнее и справедливее. Поняли, что сущность философских работ сводится в значительно большей мере к исканиям, чем к нахождению чего-либо прочно определенного, а где искания — там открытия, перемены, разочарования и т(ак) д(алее). Булгаков, по-видимому, и сам чрезвычайно страдает от невозможности прийти к строго определенным выводам. По природе своей он больше всего любит устойчивость и с тайной, иногда даже явной, завистью глядит на счастливых, окончивших беспорядочные скитания и добравшихся до вождельного Рима. В этом отношении очень интересен его ответ на письмо кн(язя) Трубецкого, напечатанное в февральской книге «Вопросов Жизни».³¹ Булгаков завидует кн(язю) Трубецкому, ему кажется, что еще немного усилий ума, и он обеспечит себе то невозмутимое спокойствие духа, которое присуще вере князя. Напрасная надежда! Душевный покой создается из совсем другого материала, чем умственные усилия. Никакие теории, как бы великолепно они не были построены, не утолят жажды мятущегося духа. Булгаков был когда-то материалистом. Теперь он считает эту теорию окончательно опровергнутой и презирает ее. Но, если бы он захотел порыться в памяти, он бы вспомнил, что материалисты знали кой-какие истины. Der Mensch ist was er isst³² — этого никакой идеализм не

опровергнет: нужно только не слишком буквально понимать изречение. Но Булгаков не хочет этого знать. С лихорадочной поспешностью строит он собственные теории, воспринимает чужие — все в надежде таким путем добраться до последнего конца. Он изучает Соловьева, славянофилов, читает священные книги, даже толстые трактаты протестантских богословов — авось, там найдется, что ему нужно. И на мгновение как будто находится, он как будто успокаивается, знает, что ему нужно, но только на мгновение. Так что даже тогда, когда он начинает проповедывать и убеждать людей, в голосе его всегда слышится некоторый надлом, который он тщетно старается скрыть от себя, усиливая звук. Свои душевные состояния он все-таки находит возможным называть «верой». Согласится ли с ним верующий человек? Не знаю, — но ищущий человек в борениях его духа найдет отклики знакомой тревоги, простит ему колебания в суждениях и охотнее станет читать его статьи, чем отчеканенные программы, предлагаемые господствующими законченными мировоззрениями.

Бердяев — натура совсем иного порядка. Он тоже знает, и хорошо знает, что такое сомнения — не сомнения играющего ума, именуемые скептицизмом, а глубокие душевные провалы, ведущие в неисследованную, загадочную и страшную область трагедии. Но Бердяев прежде всего беспечный человек. Он — пока, по крайней мере, — умеет всему радоваться, даже воспоминаниям о пережитых ужасах. Потому он бесстрашно идет вперед, ни в чем не раскаивается и ничего не жалеет. Он даже не хочет делать подсчеты потерям и всегда предпочитает утверждать, что на самом деле никаких потерь и не было. Он до сих пор продолжает уверять, например, что все содержание человеческой жизни может быть вмещено в выработанные теоретической философией категории. Можно сохранить старые понятия добра и зла, можно продолжать верить в логику и разум — только не малый, а большой. Наряду с этими утверждениями общего характера, вызванными нежеланием расстаться с приобретениями школьной философии, вы встречаете у него отдельные замечания, прямо исключающие даже возможность каких бы то ни было категорий. Даже манера изложения Бердяева является прямым упреком логике: капризное и разорванное, почти афористическое, оно не признает над собой никаких законов. И не то, чтобы Бердяев не подмечал указываемых противоречий. Наоборот, у него отличные диалектические способности, «академическая голова», как сказал бы ученый профессор. И он проявляет их, когда ему приходится выступать в роли критика, проверять других. Но последовательность и логичность в суждениях он считает лишь обязательными для других, себя же освобождает от всего, сколько-нибудь связывающего. Он даже равнодушен к литературной форме. Для него литература — не искусство. И не потому, чтобы он вообще не любил искусства. Этого про него нельзя сказать: к своим литературным собратьям в этом, как и в других отношениях, он предъявляет самые строгие требования. Но самому ему хотелось бы через литературу, логику и философию перебраться в какую-то иную область, для обозначения которой он, по своему обыкновению, не затрудняется взять ближе всего лежащее, но первое попавшееся слово. Он охотно говорит о религии, как о конечной цели человека. Но я, как и всякий, кто знает, что такое религия и что такое Бердяев, едва ли хоть на минуту согласимся признать, что слово выбрано удачно. Бердяев к чему-то стремится и стремится по-своему, спору нет. Может быть, когда-нибудь ему и удастся высказаться на эту тему с желательной полнотой, не вливая нового вина в старые мехи — но тогда именно видно будет, что не религия его занимала. Пожалуй, тогда забудет беспечности, появятся нотки разочарования. Но чего с этим торопиться? Молодому писателю к лицу смелость, надежда и ошибки. Предоставим разочарование старикам. Вот, почему я охотно прощаю Бердяеву даже его последнюю статью «Культура и Политика», хотя считаю ее фактически неверной и философски неправильной. Фактически не верно, что русская литература последних десятилетий создалась исключительно новым направлением — «декадентством». Кроме поэтов, философов и критиков нового типа существовали выдающиеся писатели позитивного направления. И затем — что еще более важно — декадентство не имело, не имеет и *не должно* иметь будущего. Культурное же его значение сводится лишь к тому, что оно, в некоторой мере, в качестве оригинальной, интересной или даже просто забавной выдумки, может служить

повседневности, обыденности, позитивизму. Мне даже кажется, что все это Бердяев и сам, без меня, хорошо знает. Но он не всегда говорит все, что знает, ибо для молодости важнее всего торжествовать, — высказаться же она всегда успеет. Такова мудрость жизни.

По приведенным характеристикам основателей «В(опросов) Жизни» читатель может судить о литературно-философских задачах журнала. Ясно, что мы имеем дело с опытами, с чем-то еще не определившимся, незаконченным, — хотя между сотрудниками журнала встречаются имена не только молодых писателей. Но молодые здесь не люди, — направление молодое. Тесно стало в узких рамках позитивизма, рвутся на простор мятущиеся души, но вырвутся ли — Бог весть. Те же борения, часто трудные и мучительные, встречаете вы и в художественных произведениях, и в стихах, появляющихся на страницах нового журнала. Возьмите, к примеру, стихотворение Федора Сологуба (май), начинающееся словами: «Высока луна Господня». Оригинальный и глубокий замысел — но сколько в нем ужаса, несмотря на всю его простоту. Кому бы еще пришло в голову взять сюжетом для стихотворения собачий вой? Или стихотворение Блока в той же книжке.³³ Оно напоминает собой Метерлинка,³⁴ но странным образом не теряет от этого в своей оригинальности. Еще укажу на роман А. Ремизова — «Пруд».³⁵ Насколько мне известно, Ремизов — дебютант и еще нигде не печатался. У него несомненное художественное дарование: на это указывает как форма, так и содержание романа. Но у Ремизова вкус к проблематическому, исполняемому, неразгаданному. Вместо того, чтобы сводить неизвестное к известному, он наоборот старается понятное сделать загадочным. Зачем? А вот подите же? Зачем Булгакову метаться, когда он мог бы спокойно оставаться при экономическом материализме или хотя бы кантовском идеализме? Зачем Бердяеву бросать логику, мораль и даже искусство и на двух соседних страницах высказывать два исключаящих друг друга положения? Зачем Сологубу выть в лунную ночь с собаками? Зачем?

Подведу итоги. «В(опросы) Жизни» — литературный сецессион. Там находят себе место писатели, отклонившиеся от того пути, по которому шла и развивалась в последние годы наша литература. Как журнал для самообразования, для воспитания ума и характера, он не может быть рекомендован. Для юношей, для неустановившихся людей он даже прямо вреден. Но для тех, кто пробовал ходить на собственных ногах, для тех, кто в писателе видит не всезнающего учителя, а равного человека, отличающегося от других только уменьем литературно передавать свои мысли, — для тех «Вопросы Жизни» дадут наиболее нужный, живой, разнообразный, хотя отнюдь не переработанный материал. Ибо там собираются и, надеюсь, скоро соберутся все, кто не боится делать опыты, хотя бы самые рискованные, и на первый взгляд, даже ничего не обещающие опыты.

Л. Шестов

Примечания

Впервые: Наша жизнь. 1905. 15(28) июля. № 160. С. 2—3.

¹ «Северный вестник» — ежемесячный литературно-научный и политический журнал. Выходил в Петербурге с 1885-го по 1898 год. Фактическим редактором журнала с 1891-го года был литературный критик и искусствовед Аким Львович Вольтинский (Хаим Лейбович Флексер; 1861—1926). Подробнее о журнале см.: *Иванова Е. В.* «Северный вестник» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. 1890—1904. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1982. С. 91—128.

² Соловьев Владимир Сергеевич (1853—1900) — религиозный философ, публицист, поэт.

³ «Начало» — ежемесячный научно-политический и литературный журнал, орган «легальных» марксистов. Издавался в Петербурге в 1899 году; вышло всего пять номеров. Редакторы — П. Б. Струве, М. И. Туган-Барановский, А. М. Калмыкова.

⁴ Мережковский Дмитрий Сергеевич (1866—1941) — писатель-символист, публицист, поэт, крупнейший представитель русского религиозно-философского ренессанса начала XX века. Гиппиус Зинаида Николаевна (1869—1945) — поэтесса, публицист, одна из инициаторов и активных участников Религиозно-философских собраний, фактический редактор журнала «Новый путь» (1903—1904); жена Д. С. Мережковского.

- ⁵ См. прим. 3 к Приложению 1.
- ⁶ Венгерова Зинаида Афанасьевна (1867—1941) — критик, историк литературы, переводчик.
- ⁷ «Мир искусства» — петербургский художественный модернистский журнал. Выходил с 1899-го по 1904 год. Редактор-издатель: С. П. Дягилев; в 1904 году его соредактором стал А. Н. Бенуа. Подробнее о журнале см.: *Корецкая И. В.* «Мир искусства» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. С. 129—178.
- ⁸ См. прим. 1 к Приложению 1.
- ⁹ «Вопросы жизни» фактически являлись продолжением «Нового пути». Подробнее об этом см.: *Корецкая И. В.* «Новый путь». «Вопросы жизни» // Литературный процесс и русская журналистика конца XIX—начала XX века. С. 228—232. «Вопросы жизни» просуществовали всего год, последний — 12-й — номер вышел в декабре 1905 года.
- ¹⁰ «Весы» — литературный и критико-библиографический ежемесячный журнал символистов. Выходил в Москве в 1904—1909 годах под руководством В. Я. Брюсова. Подробнее о журнале см.: *Лавров А. В., Максимов Д. Е.* «Весы» // Русская литература и журналистика начала XX века. 1905—1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания. М., 1984. С. 65—136.
- ¹¹ По обязанности (лат.).
- ¹² Белинский Виссарион Григорьевич (1811—1848), Добролюбов Николай Александрович (1836—1861), Писарев Дмитрий Иванович (1840—1868), Чернышевский Николай Гаврилович (1828—1889) — публицисты радикально-демократического направления, философы-материалисты.
- ¹³ См. «Литературные заметки» А. Волынского, публиковавшиеся в «Северном вестнике»: «Белинский» (1893. № 10, 11, 12), «Н. А. Добролюбов» (1894. № 1, 2, 3), «Журналистика шестидесятых годов и Писарев» (1894. № 10), «Новые деятели в журналистике шестидесятых годов и полемические бури» (1894. № 12), «Раскол в радикальной журналистике шестидесятых годов» (1895. № 1), «Биография и общая характеристика Писарева; Д. И. Писарев» (1895. № 2, 4, 5). Статьи собраны в книге А. Волынского «Русские критики» (СПб., 1896).
- ¹⁴ «Московские ведомости» — ежедневная газета (1756—1917). С 1863 года под редакцией М. Н. Каткова (1818—1887) становится органом политического консерватизма.
- ¹⁵ «Гражданин» — «газета-журнал», орган крайних монархистов; издание основано в 1872 году в Петербурге князем В. П. Мещерским, просуществовало до 1914 года.
- ¹⁶ См. прим. 12 к Приложению 1. В «Вопросах жизни» была опубликована статья В. В. Водозова «Пропорциональные выборы или представительство меньшинства» (№ 4/5. С. 334—370).
- ¹⁷ См. прим. 14 к Приложению 1. В первых номерах журнала «Вопросы жизни» были опубликованы статьи Штильмана «Годовщина русско-японской войны» (№ 1. С. 318—328), «Внутреннее обозрение: Земский собор» (№ 2. С. 418—441). «Внутреннее обозрение: В ожидании реформы» (№ 3. С. 415—430), «Внутреннее обозрение: Программа земского меньшинства» (№ 4/5. С. 522—545).
- ¹⁸ Голубев Василий Семенович (1867—1911) — видный деятель земства, публицист. В «Вопросах жизни» опубликованы его статьи «Роль земства в общественном движении. (К итогам последней сессии губернских земских собраний)» (№ 3. С. 354—387) и «Нечто о будущем земстве и его задачах» (№ 4/5. С. 546—558).
- ¹⁹ Яснопольский Леонид Николаевич (1873—1957) — экономист. В первых номерах журнала «Вопросы жизни» помещены его статьи «Всепоподаннейший доклад министра финансов и роспись на 1905 год» (№ 1. С. 217—246) и «Русско-германский торговый договор» (№ 3. С. 345—353).
- ²⁰ В «Вопросах жизни» С. Н. Булгаков и Н. А. Бердяев не публиковали специальных статей на политические темы. Однако затрагивали в своих работах философские аспекты, в том числе и политических проблем. См., например: *Булгаков С.* «Вопросы жизни» и «Вопросы жизни» // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 347—361; *Бердяев Н.* Катехизис марксизма // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 369—379.
- ²¹ Катон Старший (Цензор) Марк Порций (243—149 до н. э.) — римский писатель и государственный деятель.
- ²² И все же, я полагаю, Карфаген должен быть разрушен (лат.).
- ²³ Разружьте Карфаген! (лат.). Шестов цитирует статью С. Булгакова «Без плана» (Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 361).
- ²⁴ Уральский — псевдоним публициста и историка-богослова Антона Владимировича Карташева (1875—1960).
- ²⁵ См.: *Мережковский Д.* Теперь или никогда. (О церковном соборе) // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 295—319.
- ²⁶ *Булгаков С.* Политическое освобождение и церковная реформа // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 491.
- ²⁷ По мнению Достоевского, реформы Петра I привели к утрате русской православной церковью ведущих позиций в общественной жизни страны, что, в свою очередь, явилось причиной многих негативных тенденций в социально-политической жизни России второй половины XIX века. См., например, его запись 1873 года: «Многое случилось великими предначертаниями Петра, обратившего священника почти что в чиновника» (*Достоевский Ф. М.* Полн. собр. соч.: В 30 т. Л., 1980. Т. 21. С. 255). Подробнее об этой проблеме см., например: *Иеромонах Иоанн (Экономцев).* Национально-религиозный идеал и идея империи в Петровскую эпоху. (К анализу церковной реформы Петра I) // Вестник русского христианского движения. 1990. № 1(158). С. 5—35.

- ²⁸ В «Вопросах жизни» была опубликована только одна статья В. В. Розанова — «Из старых писем. Письма Влад. Серг. Соловьева» (№ 10/11. С. 376—390).
- ²⁹ См. прим. 10 к Приложению 1.
- ³⁰ См.: Бердяев Н. Культура и политика. (К философии новой русской истории) // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 325.
- ³¹ См.: Трубецкой Е. Памяти В. С. Соловьева. Открытое письмо С. Н. Булгакову // Вопросы жизни. 1905. № 2. С. 386—390; Булгаков С. О пути Соловьева. Ответ кн. Е. Н. Трубецкому // Вопросы жизни. 1905. № 3. С. 388—414.
- ³² Человек есть то, что он ест (нем.).
- ³³ См.: Блок А. Повесть («В окнах занавешенных сетью мокрой пыли...») // Вопросы жизни. 1905. № 4/5. С. 59—60.
- ³⁴ Метерлинк Морис (1862—1949) — бельгийский драматург, поэт-символист.
- ³⁵ Роман Ремизова «Пруд» публиковался в «Вопросах жизни» в № 4/5 (С. 61—100), № 6 (С. 1—42), № 7 (С. 1—38), № 8 (С. 87—124), № 9 (С. 3—46), № 10/11 (С. 1—50).